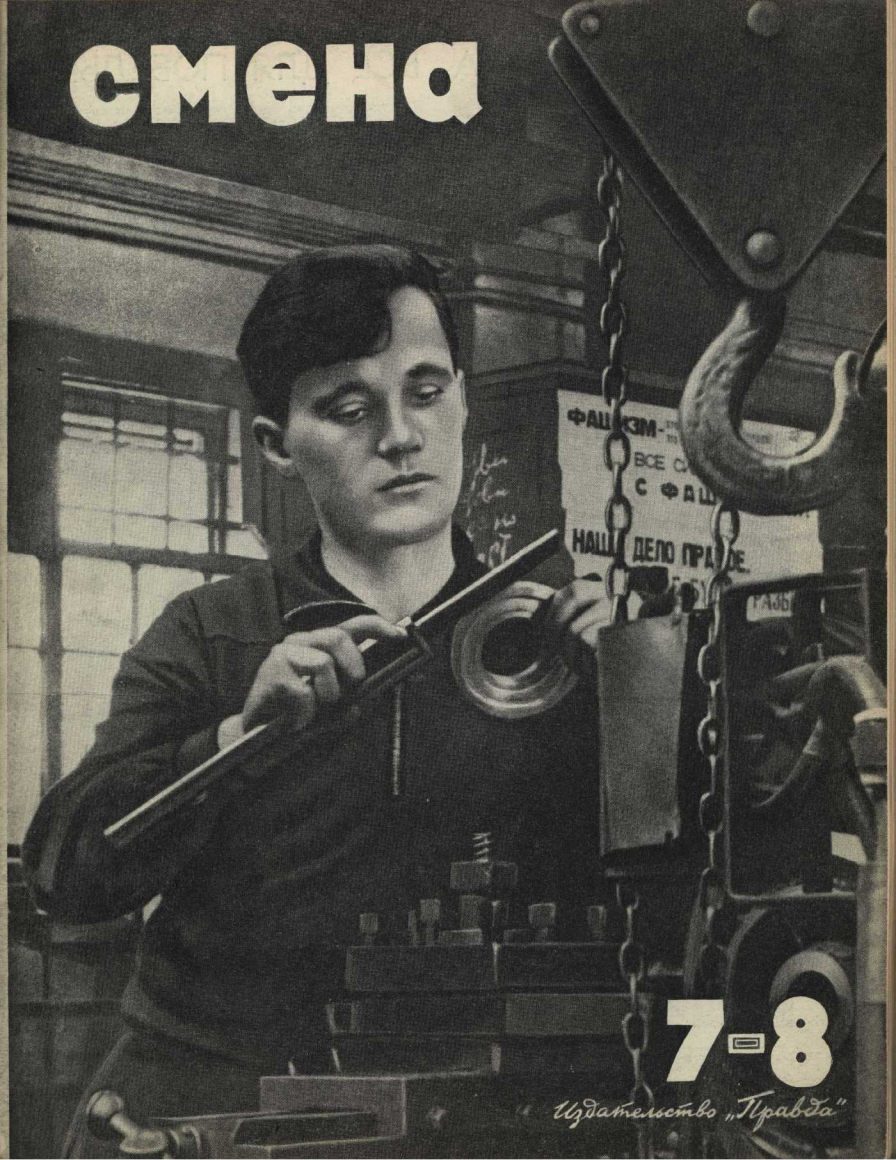

смена

ФАКЦИОНАЛНО-ТО
ВСЕ С
С ФАКЦИОНАЛНО
НАШЕ ДЕЛО ПРАВЕ

7-8

Издавателството „Правда“

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Запомните эту дату — 22 июня 1941 года! В этот день произошло преступление, какого еще не знала история человечества. Фашистская Германия напала на великий Советский Союз. Напала неожиданно, вероломно, из-за угла, как разбойник с большой дороги.

Людоед Гитлер рассчитывал застать нас врасплох. Опьяненные от прошлой победы в Европе кроли, окончательно потерявшие голову, фашистские изверги собирались молниеносным ударом сломить сопротивление Красной Армии, заковать нашей землей, нашими фабриками и заводами, нашим хлебом и нефтью, поработить великий советский народ. Не бывать этому! Не повернуть германским варварам вспять колесо истории. Народ, познавший счастье свободы, радость творческого труда, никогда не будет рабом! Священной отечественной войной ответит советский народ на наглое, разбойническое нападение германского фашизма.

Уже в первые часы войны вражеские позвонки встретили такое сопротивление, какого они видели и никогда еще не видели. Грузью отступает героическая Красная Армия родную землю. Дорого обходится фашизму каждый вершок советской территории! Сотнями тысяч трудов земных солдат, трудяги изуродованных танков и самолетов унесли путь германских арий. Лучшие, отборные фашистские дивизии наши могилы на полях западных областей СССР. С каждым днем растет и крепнет оплот доблестной Красной Армии.

План «молниеносной войны» провалился. Но враг еще силен. Гитлер играет «ва-банк». Он не жалеет людей. В путины войны он бросает новые дивизии, новые тысячи танков и самолетов. Враг делает чудотворные усилия, чтобы любой ценой добиться успеха.

Над нашей родной землей нависла серьезная опасность. В грозный час по призыву нашего вождя великого Сталина на защиту родной земли, свободы и чести поднялся во весь свой исполинский рост многомиллионный советский народ-богатырь.

Фронт и тыл едины. Победа куется на полях сражений и в колхозных полях, в ожесточенных битвах танковых соединений и у станков фабрик и заводов. Чем больше получит Красная Армия самолетов, пушек, танков, винтовок, снарядов, тем скорее она разгромит злобного, жестокого врага.

«Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации

разгрома врага», — так говорил в своем историческом выступлении по радио Председатель Государственного Комитета Обороны товарищ Сталин.

Юности и девушки Страны советов, школьники! Ваши старшие братья как львы дерутся на фронте, взулая весь мир своим мужеством, героизмом, бесстрашием. Будьте достойным героев-бойцов. Неуставно крепите тыл.

Многие из вас, движимые патриотическим чувством, помогают колхозникам собрать богатый урожай, заменяют на фабриках и заводах старших товарищей, ушедших на фронт. Сотни тысяч советских зоних граждан овладевают профессиональными слесарей, токарей, фрезеровщиков, комбайнеров, трактористов.

Будьте же и на производстве отличниками. Показывайте образцы трудового героизма. Своей самоотверженной работой мнойте победы на фронте. Не жалея сил своих, а если понадобится и самой жизни, помогайте Красной Армии разгромить ненавистного врага.

Война требует огромного напряжения всех сил народа, исключительной организованности, дисциплинированности. Будьте бдительны! Умейте обобщиться от воздушных вражеских налетов, овладейте военными специальностями, готовьтесь встать в ряды защитников Родины.

С огромным подъемом встретила вся советская молодежь, как и весь народ, Указ Президиума Верховного Совета Союза СССР о назначении товарища Сталина народным комиссаром обороны СССР. Это назначение вдохновляет нашу молодежь на новые подвиги на фронте и в тылу. С именем Сталина, трудящегося Советского Союза не раз громилы врагов, с именем Сталина, под мудрым его руководством мы доведем до победного конца и великую отечественную войну против германского фашизма.

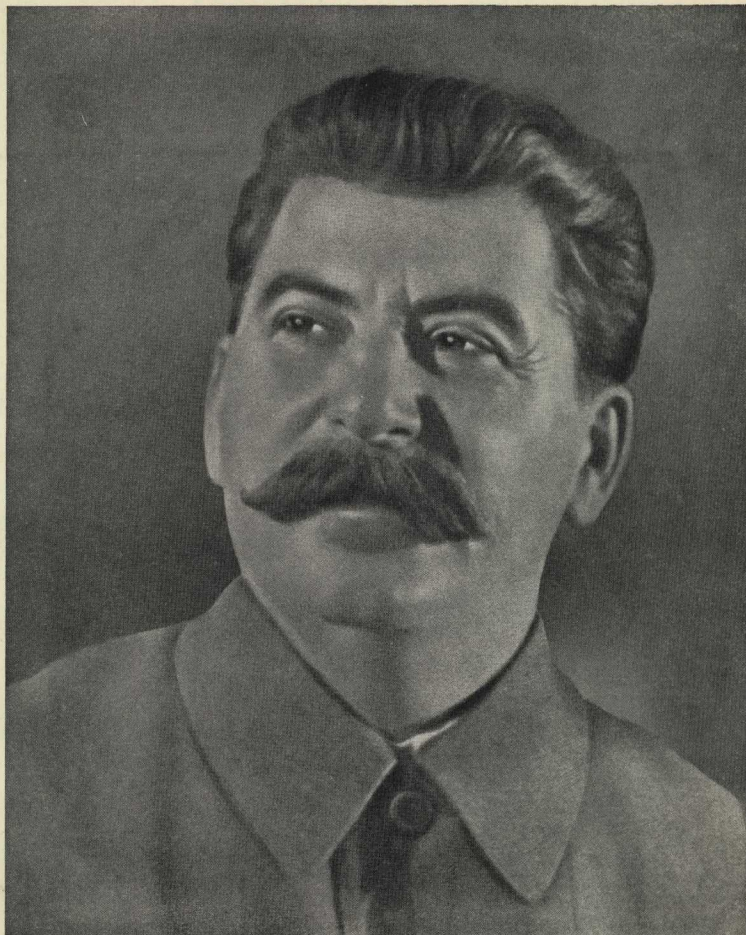
Удача фашизма предрешена. Он будет уничтожен. Великий советский народ своим мужеством, своей силочностью и непоколебимой силой ипеленет врага. Коалиция двух могущественных держав — СССР и Великобритании — ускорит разгром своего общего врага и врага народов всего мира — германский фашизм.

Пройдет время, и выстрелит даже самое воспоминание о кровавом фашизме, но вечно будут жить в памяти подвиги Красной Армии, советского народа, освобожденного человечеством от фашистского кошмара.

РАЗДАВИТЬ ФАШИСТСКОЕ ЧУДОВИЩЕ!

На обложке: ученик 10-го класса 660-й школы Москвы Юрий Нисель. Стремясь выполнить свой патристический долг, Юрий пошел работать на завод пожарных машин. Скоро он будет хорошим слесарем по ремонту оборудования. Фото О. Ландер. На обороте обложки: у зенитной пулеметной установки. Фото И. Шагина.

Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. СТАЛИНА

3 июля 1941 года

ТОВАРИЩИ! ГРАЖДАНЕ!
БРАТЬЯ И СЕСТРЫ! БОЙЦЫ НАШЕЙ АРМИИ
И ФЛОТА!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу родину, начатое 22 июня,— продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и наши себе могли на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергает бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одесу, Севастополь. Над нашей родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия слала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустanno фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не было. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила оно серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армия Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отоблагодарианы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готов-

ности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отоблагодариаться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 г. между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское Правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского Правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское Правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и лодоседы, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непререком условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и части миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможности подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему все наша доблестная Армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии — клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одо-

брюют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу названности нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь Советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неутомим. Он ставит своей целью захват наших земель, полных нашим трудом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белоруссов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их опеченение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, панкерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше Государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей родины. Необходимо, чтобы это великое качество большинства стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бесовой злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всеми видами дезорганизаторами тыла, дезертирами, панкерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим панкерством и трусостью мешают делу обороны, не зная на лиша.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угодить весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угодить весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственными органами для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разгрома партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стоящим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе и в лице германского народа, поработленного гитлеровскими злодеями. Наша война за свободу нашего отечества соединяется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это bildet единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, — являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Завлаженный враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимаются миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, подняв на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою родину — в нашей отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу родину, — создан Государственный Комитет Оборона, в руках которого теперь сосредоточена вся подата власти в государстве. Государственный Комитет Оборона приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

Поднялся народ-исполнин!

Огромна наша мать — Россия! — писал один из самых доблестных участников отечественной войны 1918 года знаменитый партизан Денис Давыдов. — Изобилие средств ее порою уже стоит многим народам, посягающим на ее честь и существование; но ее знают еще один рехс словес лава, покочившая на дсе...»

Не разрушится ли, не развется ли, не снесется ли прахом с лица земли все, что не повстречается, живого и неживого, на широком пути урагана, направленного в тыл неприятельской армии, занятой в то же время борьбою с миллионною нашею армией, — первое в мире по своей храбрости, дисциплине и устройству?

Еще Россия не подымалась во весь исполнительский рост свой — и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется!..»

Да, горе Гитлеру и его фашистским ордам, потому что сбылись пророческие слова старого русского воина-патриота, пробив час, и подышался во весь исполнительский рост свой могучий двухсотмиллионный советский народ!

Не для того обрелся он цепи капиталистического рабаства, чтобы итдеть их когда-нибудь вновь. Не для того лезл он родною землею, превращая страну в сад, чтобы швырнуть под ноги завоевателя. Не для того копил богатскую силу, чтобы отдать на поругание самому дорожее — чести отчизны своей.

И с эхом первых выстрелов на западных рубежах прозвучали грозные имена отважных пограничников, летчиков, танкистов, артиллеристов, пехотинцев, краснофлотцев; прозвучали над миром сотни и тысячи имен самоотверженных бессмертной славы, озаренных отблесками невиданной доселе битвы.

Забрало в глаза у врага, стиснула подол его сердце тревога.

Новое и новое вставало перед ним железное, непоколебимое рыло. На смелую брань поднимается брат, сыну в бою полагает седуюсь старик-ополченец.

И, если вскакивал пули в пулеметах, летчики дергаю таранки вражеский самолет, а танкисты вжимают в землю врага всюю тяжестью своего танка. И на полях, захваченных врагом, занимают гигантские кусты: то падает колхозный хлеб, подожженный партизанами.

Не безумие ли мечтать о том, чтобы повернуть такую страну и таких людей обратно в подвальные рабов?

Отечественной героической войной ответил советский народ на вопросы вражеских полчищ. Летчики, танкисты, пехотинцы, партизаны будут бить врага без пощады, без раздвуха, глуша его бомбами, кола штыком.

За нами будет победа!

И встрется с лица земли, прахом разлетится фашистская мразь, подымившая грязную лапу на наш народ-исполнин, на отчизну героев.

ОБОРОНА МОСТА

С благоговением историки и писатели восстанавливают в будущем удивительный образ пограничника, человека, который грудью встретил внезапный натиск фашистских орд и вместе на себе перебрал всю страшную тяжесть первых часов войны.

Двадцать гудков ударов доносятся на репродуктора — это ирывают курянта на Спасской башне. Подполчь пробило в Москве.

Часовые, стоящие неподалеку от здания заставы, вслушиваются в затихающий бой часов. Потом они гаснут в домах, и чуткая тишина овладевает на западной границе.

Города и села погружены в сон. Покой разлит над ними. Заботливые сыны, не смыкая глаз, дежурят у изголовья Матери-Родины.

Рука сжимает авиоточку. Тикают на руке часы, отсчитывая минуту за минуту. Идет на убавку короткая летняя ночь, ночь с двадцать первого на двадцать второе июня.

И когда стрелка на циферблате приблизилась к четырем и небо на востоке сделалось багрово-красным, разлился свет стали и топот шагов. Подымалась солнце осветило поля битвы, закипел в воздухе неспокойный простор Бельгии до Черного моря.

В то утро пограничник комсомолец Николай Заккер вступил в единоборство с чудовищем, вылетевшим из мот, который он охранял.

Заккер знал, что за ночь на западной границе возник фронт. Оттуда, громыха, малюшко надвигалась на восток сплошная завеса огненного дождя. Вольно воздуха, достигаясь земля, ударились о мост, и огромное железобетонное сооружение вибрировало и сотрассало под напором. Вспыхнула в небе, как стервятник, выматривающий добычу. Мост был лаковой приманкой для хищника. Зловеще заревели моторы — бомбардировщик ринулся в стремительное шик.

Никогда не случалось молодому болбу итдеть такую устрашающую атаку. Но, стиснув гашетку пулемета, Заккер встретил врага лицом к лицу, как полагается комсомольцу. Он принял бой.

Полосуя по воздуху частая очередь. Вот что прозвонило потом:

«Фашистский бомбардировщик пронесся низко над головой Заккера, затем поблизости один за другим раздалась оглушительные взрывы. Вражеские бомбы не попали в цель, они разорвались на противоположном берегу, подняв в воздух тучи песка и мокрой земли. Развернувшись, самолет вторично устремился к мосту. Одна из другой неслись на встречу врагу пулеметные очереди отважного пограничника. И вдруг в передней части фюзеляжа бомбардировщика показался яркий огонь. Пули Заккера попали в цель».

Заккер видел с моста, как обвальный пламенный самолет неуклюже зацепил крылом землю и в развороченного бреха его посыпалась требуха — фашистские летчики в комбинезонах.

Они успели было вылезти, часто озарясь. Заккер умолял и отер пот со лба. Ему виднело было, как по луку бегут начерез бойцы его отряда.

Засыпав взрывы и пулеметную стрельбу, он выскочил в воздушный бой, но часовой отстоял мост в одиночку.

НА ТАРАН

Стальные косы, разбомбив вражеский объект или взрывают самолет, отечественный научным знаком, залегают от полноты чувств

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ. Перед боевым вылетом.

плесю, самую подходящую по настроению, — «Итерациональ». И величественный гимн Советского Союза слытно звучит в небе вместе с грозным рокотом их моторов.

В воздухе он господствует безраздельно.

Фашистская клеветня сволочь осмелевает, нападать на советских летчиков только скопом. Но и тогда крымские храбры не уступают поля боя врагу. Они летртся до последнего вдоха. До последней пули, до последней капли горючего в баках. И они побеждают, потому что в воздухе переис всегда на стороне храбрейшего.

И так сильна их большевистская воля к победе, что, нарасходовав на фашистских стервятников всю сталь, все бомбы и пули, они бросают на врага ополесок и тот легкий спал, из которого сделаны их красноцветные самолеты, — идут на таран.

Русская штыковая атака с суноровских армией селла панку во вражеском стане. Немцам пришлось сейчас испытать на своей шкуре также и современное усовершенствование этой атаки — ее воздушную разновидность.

Начало тарану — форме боя, которая по плечу только самым отважным летчикам, — положили наш знаменитый Нестеров. В перьях дил русско-германской войны 1914—1918 годов он ринулся на вражеский аэроплан, протаранил его и разбился вместе с ним.

У Нестерова было много наследников в советской авиации. Но авиационный опыт их и искусство теперь выше, а самолеты неизмеримо прочнее. Врубая пролетером на волю жоду во врага, кровью его так, что ключья летят, нестерцовы умеют сохранить жизнь себе и своему верному самолету; оба умирают в поле для будущих битв.

Младший лейтенант Злорочев, награжденный званием Героя Советского Союза, значе- сию просто рассказывает о своем полетике с «Юнкерсом»:

«Когда вражеский бомбардировщик пролетал

около аэродрома, и поднялся в воздух. Мой самолет быстро набрал высоту, и я погнался за «Юнкерсом».

Экипаж фашистского стевратника заметил преследование и стал уходить вверх. Догоняя его, я ушел от своей базы на 100 километров. Одновременно достиг высоты свыше 5000 метров. Стало трудно дышать, пришлось включить кислород.

На высоте в 6000 метров я начал гитлеровских воиловочих и вступил с ними в бой. Несколько раз атаковали бомбардировщик, но он продолжал лететь. Сделал еще один заход. Дал очередь. Хотел еще раз стрелять, но пулеметы молчали. Оказалось, что патроны вышли все. Это было в тот момент, когда моя машина находилась в 80—100 метрах от хвоста вражеского бомбардировщика.

— Не уйдешь, гадин! — пронесся я, но голоса своего не слышал: его заглушил шум мотора.

Углубляясь в лес. Расстояние, отделяющее меня от врага, уменьшается. Вот уже осталось два—один метр до хвостового оперения самолета противника, но преодолеть их не могу.

Делая последнее усилие, регулятором оборотов увеличиваю шаг винта. И вот пролетел мимо «стребца» уже под хвостом «Юнкерса». Начиная легонько задирать вверх нос истребителя.

Мой самолет ударил винтом по хвосту «Юнкерса» и сразу его руль поворота. Вторым приемом я отрубил у врага рули глубины.

Бомбардировщик потерял управление и валил поперек вилы. Два немецких летчика выбросились на парашютах. Они были захвачены в плен нашими наземными войсками.

Сбив противника, я почувствовал, что мой истребитель сильно вздрагивает. «Поврежден винт!» — думаю я сбитым оборотом.

Полуясь запахом бензина, я начал планировать в сторону аэродрома. Так пролетел свыше 80 километров и благополучно прибыл на свою базу.

ПЛАЮЩИЙ ФАКЕЛ

Когда требует обстановка боя, когда зависит от этого спасение товарищей или успех операции, становится неважно, не колеблется, отдают и самое дорогое, что есть у них, — жизнь.

Тройка самолетов под командой старшего лейтенанта Иванова возвращалась с триумфом на свой аэродром. Выдвинул над воздушный заслон против фашистских бомбардировщиков, готовивших разбомбить один из наших городов. В жестоком бою зveno Иванова сбило два «Юнкерса», влетел бы сорван.

Как всегда, Иванов пропустил сначала на посадку своих товарищей и, кружа над аэродромом, наблюдал за тем, как они приземлились. Когда он сам начал снижаться, аккуратно ставя самолет против ветра, вдруг на горизонте мелькнул зловещий силуэт.

Бомбардировщик!

Зveno Иванова было сейчас безоружно перед врагом, горючие в баках было на исходе, а в пулеметных лентах пошла операция из одного патрона.

Сейчас полетят на аэродром фашистские бомбы!

Иванов увидел, как засуетились у машины люди внизу, и больше уже не видел ничего, кроме неба. Ранком он набрал высоту над собой, и его самолет круто взмыл вверх.

Так птица, заведен в небо коршуну, не думая, не колеблясь, бросается ему навстречу, чтобы грудью прикрыть свои гнездо и своих птенцов от вилы его когтей.

На аэродроме успели разглядеть только, как маленькая тень вымруда под широкое туло срезанное крыло бомбардировщика. Потом вспыхнула пыламя, и в том, что стремглав полетела вниз, начался уже было разливаться инеевского, ин фашистского самолета.

Сторев в бою, пронеслись плавающим, далеко видным факелом над родными полями, са-

мой смертью своей утвердить торжество жизни, утвердить торжество правды! — что может быть прекраснее такой смерти?

«3 июля во главе своей эскадрильи капитан Гастело сражался в воздухе. Далеко внизу, на земле, тоже шла бой. Моторовозвращение части противника прерывалось на советскую землю. Огонь нашей артиллерии и авиации сдерживал и останавливал их движение. Векша свой бой, Гастело не упустил из виду и бой наземный».

Черные пятна танковых скоплений, сгрудившиеся бензиновые цистерны говорили о замике в боевых действиях врага.

И безстрашный Гастело продолжал свое дело и земле, и сгрудившимся цистернам противника, мчит он огненным комом своего самолета. Огонь уже возле летчика. Но земля близка. Глаза Гастело, мучимые огнем, еще видят, ослепленные руки переды, и воздушный самолет еще слышится звук умирающего пилота.

Так вот как закончится сейчас жизнь: не аварией и не пленом — подвигом!

Машина Гастело взрывается в «толпу» цистерн и машин — и ослепительный взрыв долгие минуты раскатывает воздух сражения: взрываются вражеские цистерны.

Запомнил имя героя капитана Николая Францевича Гастело.

Его семья потеряла сына и мужа, розина приобрела сына. Среди беснующихся слезливой колоды наветства остается подлин человека, рассчитавшего свою смерть, как безстрашный удар по врагу...»

Так вот как закончится сейчас жизнь: не аварией и не пленом — подвигом!

Машина Гастело взрывается в «толпу» цистерн и машин — и ослепительный взрыв долгие минуты раскатывает воздух сражения: взрываются вражеские цистерны.

Запомнил имя героя капитана Николая Францевича Гастело.

Его семья потеряла сына и мужа, розина приобрела сына. Среди беснующихся слезливой колоды наветства остается подлин человека, рассчитавшего свою смерть, как безстрашный удар по врагу...»

РЕКОМЕНДАЦИЯ В ПАРТИЮ

Утром перед боем лейтенант Косыбаков и заместитель полнотрука Иванов пришли к командиру своего батальона капитану Мазеву, как раздался сигнал тревоги.

Такой батальон Мазева получил задание нанести врагу визальный удар. В разведку отправился Косыбаков. Он проник в тыл противника и начал на фашистский штаб, расположенный на окраине. Офицеры выскочили на двор в одном белье. Штаб был уничтожен, захвачены карты, бумаги, портфели с документами.

После этого весь танковый батальон пошел в атаку. Вот что произошло потом:

«Машина капитана Мазева вырвалась вперед и стала в максимальной скорости двигаться. Вот она с хода сбивает орудие, затем тягач. В это время один снаряд попал в машину, второй в хвостовую часть. Третий свиряет огонь на отряд. Офицеры выскочили на двор в одном белье. Штаб был уничтожен, захвачены карты, бумаги, портфели с документами.

После этого весь танковый батальон пошел в атаку. Вот что произошло потом:

«Машина капитана Мазева вырвалась вперед и стала в максимальной скорости двигаться. Вот она с хода сбивает орудие, затем тягач. В это время один снаряд попал в машину, второй в хвостовую часть. Третий свиряет огонь на отряд. Офицеры выскочили на двор в одном белье. Штаб был уничтожен, захвачены карты, бумаги, портфели с документами.

После этого весь танковый батальон пошел в атаку. Вот что произошло потом:

«Машина капитана Мазева вырвалась вперед и стала в максимальной скорости двигаться. Вот она с хода сбивает орудие, затем тягач. В это время один снаряд попал в машину, второй в хвостовую часть. Третий свиряет огонь на отряд. Офицеры выскочили на двор в одном белье. Штаб был уничтожен, захвачены карты, бумаги, портфели с документами.

После этого весь танковый батальон пошел в атаку. Вот что произошло потом:

«Машина капитана Мазева вырвалась вперед и стала в максимальной скорости двигаться. Вот она с хода сбивает орудие, затем тягач. В это время один снаряд попал в машину, второй в хвостовую часть. Третий свиряет огонь на отряд. Офицеры выскочили на двор в одном белье. Штаб был уничтожен, захвачены карты, бумаги, портфели с документами.

После этого весь танковый батальон пошел в атаку. Вот что произошло потом:

«Машина капитана Мазева вырвалась вперед и стала в максимальной скорости двигаться. Вот она с хода сбивает орудие, затем тягач. В это время один снаряд попал в машину, второй в хвостовую часть. Третий свиряет огонь на отряд. Офицеры выскочили на двор в одном белье. Штаб был уничтожен, захвачены карты, бумаги, портфели с документами.

на фашисты начали стрелять по танку в упор из орудия и пулеметов».

Больше часа длилась неравная схватка. В последнюю минуту, почти лихоращ сонная от потери крови, Мазев услышал рокот машины. На открыт на полном ходу мчался советский танк.

«Кто-то окроп лок, помахал рукой. Собрал остаток сил, капитан, опираясь аэродромными руками на поверхность корпуса, вылез из танка, но тут же упал на землю. Из прибрившего танка выскочил заместитель полнотрука Иванов и быстро перенес своего командира в машину».

Отшулся капитан Мазев среди своих. Показ руку заместителю полнотрука, капитан сказал: — Вот сейчас перекошу и нашу рекомендацию — и вам и Косыбакову».

ДОПРОС

В фашистский штаб пришли на допрос четверых пленных бойцов.

— Ни звука! Ни полслова! — ушел шепотом сержант Сергеев остальным. — Урач жеманит комсомольца. (Все четверо были комсомольцами.)

Перам поставили перед немецким офицером Сергеева.

— Фашины?

Молчане. Офицер поднял голову, надобро прищурившись.

— Кто?

— Слова молчане.

— Заговорили, хам!

И офицер прикладом винтовки ударил Сергеева. Но аису поползла струйка крови, но Сергеев не отер ее.

Тогда ему стали выворачивать руки. Он молчал. Его гимнастерка обвила нервомом.

— Скажи? Или сожмем!

Он поперхнуто молчал, не сводя широко раскрытых ненавидящих глаз с офицера.

— Дерка смотришь, — бросил офицер и отвернулся.

И Сергееву вымолили глаза.

Он только скрипел зубами, но кто-то из бойцов подавил стоны, — все трое стояли выжидая и стали мекнуть козырьками, зная, как пытать их товарища и не в силах ему помочь.

Когда Сергеев умер, офицер позвал Харитонову. И Харитонов тихое умер в страшных мучениях, не вымолвил ни слова.

Офицер вытаскил носовой платок и отер разгорюченное лицо. Он замучился с этими немцами.

— Увести этих двух! Духавтасовой перерыл!

И немовали эти томительные два часа, и снова стоит перед офицером два комсомольца в разорванных, темных от пота и порохом дымна гимнастерках.

— Скажете, юном? — офицер после обеда в благодушном настроении. — Ну же, ну?.. Кто скажет?

Пауза. Васильев продолжал молча смотреть офицеру пошине переноски. Сейчас агнупт пытать. Пусты!

И вдруг по напряженным чертам его ударит гонимого Волоха — страшный, глухой. Только два слова: — Я скажу!..

Офицер быстро оборачивается. Волох не смотрит на него. Волох шагнул с готовностью к офицеру. А тот улыбається уже:

— Скажете — оособую. Ну, говори, говори. Кто скажет? Где штаб vostro поляка?..

Но третий вопрос арестуется в его горле. Волох прыгнул на него, бьет ногами.

Короткий революльный выстрел. Волох упал.

И в это мгновение чудо происходит из абсолютного хаоса: Идет советский разбомбитель на фашистский штаб. Панка. Кобыляев бросается в укрытия, и комсомольцу Васильеву удается бежать из плена.

Я ГОТОВ К ЛЮБЫМ БОЯМ!

Дела, которые еще вчера казались серьезными и важными, отошли на второй план. Мысли заняло одно стремление: скорей попасть на фронт, столкнуться лицом к лицу с врагом. Эти желания охвачены сейчас все. Ко мне позвонила моя подруга, она странно волновалась: курсы медсестер, на которые она поступила, рассчитаны на полгода — два месяца, а это для нетерпеливого сердца, да еще в такие дни, кажется очень большим сроком.

Сам я сразу собрал свои походные вещи и был готов в любую минуту выехать по вызову. Когда мы идем по улицам, на нас — молодая — с уважением и покаяньем, с восторгом смотрят старики. И правда, приятно видеть твердую походку, решительно сдвинутые брови и что-то неуловимо новое в глазах прохожих.

Атлетику, плавание мне мало и зубной порошок, воняла, в какой путь я беру эти записки, и сказала мне фразу, которую я пронесу по всем фронтам:

«Бейте их по-русски. Пусть знают!»

Есть бить по-русски! Об этом сон теперь уже имеет некоторое представление!

Я чувствовал себя приподнято, мысли были четки и просты, как привяз, упругие мускулы пружинились, и казалось, нет такой тяжести, которую я не смогу бы повзвешать.

Меня захватили в Военно-Воздушный Флот, и я высекаю к месту назначения.

В анкете, в графе «особенные значки», я записал: «ИВХО второй ступени, ГСО второй ступени, ГТО второй ступени, «воршиловский стрелок» второй ступени и значок «Морской». Я умел владеть винтовкой, знаю ручную и станковый пулеметы, владел несколькими системами личного оружия и «караминной артиллерией» — гранатами.

Эти знания и навыки приобретались постепенно, еще на школьной скамье, которую я оставил всего только месяц назад, в оборонных кружках, на занятиях по дрезинерной подготовке.

Плавание, легкая атлетика, бокс, ежедневная гимнастическая зарядка наделили меня тем, что называется здоровьем высшего сорта.

Юрий Халаминский.

та». Так мне сказал на прощание главный врач медицинской комиссии призывного участка, подшивая карточку моего освидетельствования.

С первого дня войны и до своего призыва я дежурил у телефона призывного пункта. Ежеминутно раздавались звонки из партийных и комсомольских комитетов, от отдельных граждан. Все обращалось за одним и тем же: где принимают заявления от добровольцев и в чем нужна их помощь теперь, когда наша родина оказалась в опасности. Прямо на пункт приходили группы девушек, желающих идти на фронт сестрами, взяться сейчас же за любую работу. Чуть ли не в первый день мобилизации явились на пункт парней лет шестидецати и 64-летний старик. Это вник и дед. Оба они просились добровольцами на фронт.

Когда я видел и слышал всех этих людей, меня охватывала необычайная радость и гордость за наш огромный советский народ, преданый родине! В какой стране возможен такой единый, беззаветный порыв? Только у нас!

В городе объявлено военное положение. Дням и ночам у домов дежурят люди с противотанками. В подвале одного большевисте это молодежь, это вчерашние ученики — восьмых, десятых, десятых классов.

Во время воздушной тревоги я лежурил в общественном пункте. Тогда, по-бывшему проверяя расстановку сил группы самозащиты, наличие медикаментов, действие душей, температура воды, прошел по укрепитию, находящимся под заданием, заметил время полетами самолетов и стал осматривать прибытия районов и пораженных. В убежищах, где укрылись жители ближайших домов, было спокойно, шли тихие беседы о достижимых авиации и зенитной артиллерии, о бомбах, взрывах и прочих атрибутах войны... Только утром из газет все узнали, что это была учебная тревога.

Это сдержанное спокойствие населения в первые дни войны и готовность каждого из нас в любую минуту взвиться за любую дело должны остаться на все время войны, сколько бы она ни продолжалась.

Тыл — такой же фронт, и поэтому на соестности мочк тошнотливой, оставшихся здесь, лежит работа о беспрерывной работе фабрик и заводов, о сборе урожая, о порядке в жизни всей страны.

Родина приглашала в мотучем стремлении смести с лица земли фашистскую мерзость, и молодежь бужет в первых рядах сражающихся. Пришел день, когда мы должны полностью отдать своему отечеству все силы, знания и всю могучую энергию молодости. Я готов к любым боям!

Юрий ХАЛАМИНСКИЙ,

бывший ученик 10-го класса 624-й школы.
Москва.

Б. ЛЕБЕДЕВ

БЕЗ ПОЩАДЬ!

Час настал борьбы великой —
Грозный и суровый час!..
На войну с фашистской клякой
Весь народ наш,
ополчась,
Встал,
от гнева огневикий...
Из аулов,
сел,
станиц,
По ущельям,
по равнинам
Родные сыны
Чуть отстаивать гранич
С мыслью движутся единой:
Бить врагов родной земли

До конца
и без пощадм,
Чтоб костей не унесли
Банды гитлеровских гадов!
Крепко стиснув кулаки,
Все обьяты чувством этим:
Юноши
и старики,
Жены,
девушки
и дети...
Смерть
взбесившихся волкам —
Порожденью зла и ночи!..
Словно пламенный вулкан
Наша родина хлопочет...
Час настал войны народной —

Грозный
и великий час.
Он пришел,
в сердца стучась,
И зовет на благородный
Подвиг
каждого из нас...
Гибель
вражьей орды ждет —
В том
себе
мы клятуь дали...
В бой!
За родину!
Вперед!
С нами — правда!
С нами — Сталин!

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Балтийский край — богатая страна. Пустой зверь в лесах, рыба в озерах, драгоценный металл в землях. И была охота до этих богатств немецкие кутцы. Они торговали с Прибалтикой, беспощадно обманывая литовцев и русских. Не смалось немецкая кутца. Во сне и наяву она надвигалась изморозью до восточных рубежей России. По куццам надо было иметь вооруженную силу, чтобы завоевать богатый край. И они привели на русскую землю «исов-рыцарей».

Вместом и мечом покорили немцы захватчики мирное население. Вскоре был разбит Балтийский край. «Исов-рыцарей» толпили зыбу на Русь. Долго собирали войско, снаряжали. В 1241 году начался поход. «Исов-рыцарей» шли по земле новгородской, тевской... Ишли и грабили села, убивали людей. Тупились за ними враный след. Забрали Лепов, подползли к «господству великому Новгороду». Зашумели новгородцы... Не бывать врагу в волном Новгороде! Соберем войско и дадим отпор! Но где взять вранего духом и враными доблестями войско великое? И решили новгородские вое посылать к князю Ярославу во Владимир просить его сына Александра Невского помочь их беде.

Согласился Александр Невский: нет печетнее дела, чем видичать родины от «ворогов-чужеземцев!» И кинули он по всей земле русской княч. Поднялись иноконичи, новгородцы, инокорды... Каждый вооружался, как мог, но у всех было одно неоскорбимое оружие — горячая невяность к врагам, священная любовь и родние.

В 1241 году Александр Невский двинул свою рать на освобождение русской земли. Один за другим падали угрозенные лавки «исов-рыцарей», город за городом осваивался от немецкого ига. Уже в 1242 году «Великий же князь Александр занял все пути к Пскову и освободил город», — писала летопись.

Немцы ушли из Пскова и стали готовить из Прибалтики еще больший поход на Русь. Александр Невский также готовился. Молодой, но опытный и смелый полководец думал не обороняться, а наступать. Встретить врага у Чудского озера и дать ему бой — так решил Александр Невский.

5 апреля 1242 года в солнечный весенний день русская рать увидела первую лавку «исов-рыцарей». Завоевание и мелезо и бронзо, свергла на солнце огнем коней и шлемов, твердо и уверенно они шли по льду Чудского озера. Победа над русскими казалась им делом делом. Еще никто и никогда не посмел разрушить боевой железный порядок их рядов. Этот порядок был прован русскими немерздой святей.

Первыми открыли стрельбу из луков новгородцы. Их меткие стрелы заставляли сникать строй врагов, которые терпели свой боевой порядок. Коница Александра Невского стала захватить с флангов, охватывая воложками немцев. Они же, устремившись на центр русской рати и провадя его, очутились в заранее приготовленной ловушке. Построение войск Александра было таким, что центр пуготал, а по краям, свисая немские войско, сваты-вая их как аздачки, нападали на «исов-рыцарей» конные и пешие русские ратники. Стройные ряды немцев терпели войско «исов-рыцарей» были сбиты в воду. Их ударная боевая сила пропала дря.

«Исов-рыцарей» дрогнули. Они бросили поспе боя и побегали. Войска Александра Невского преследовали их, рубили, кололи «как свинок». Поздно вечером закончилось это великое сражение, вошедшее в историю русского народа под названием Ледового побоища. 500 «исов-рыцарей» осталось на поле битвы, много утонуло, много забито в лед.

Немецкие фашисты — «исов-рыцарей» сегодняшнего дня — пусть помнят о своих беславных предках: пусть помнят и не стуют свиное рыло в нип советского народа. Били их русские равные. Бьют сейчас и будут бить до полного разгрома современных варваров.

КЛЯТВА

Друзья мои,
Страна в тревоге!

Переступи черз кордон,
На нивы наши
И дороги
С жреством на абу полз трютов.

Нам кровна
Родина просторной
Любая слава. Все равно:
То камень сопки ль Заозерной,
Иль украинское зерно,
Иль городок родного Крыма,
Иль течение горных рек...
Все это свято и хранимо
Железною клятвою навеки!
Встанай, родное поколенье!
Ты вынесешь бой, сраженья.
Недаром в стуже и в огне
Прошли мы славное крещение
В суровой, северной войне!
Прочна земля под сапогами.

В нас жар сраженья не остыл,
И мы расправимся с врагами:
Серпа наделажи,
Крепок тыл,
Грозна советская пехота!
Ее сапор,
Ее нажим,
Как сила русского народа,
Нейтости,
Неудержим.

Она в поля ворвется клямом,
И дрогнет
Черных свастик строй,
И между Рымом и Берлином
Повест свежее зярей.

Клянемся —
Натаск наш неистов,
Клянемся —
С нами торжество.
Клянемся —
Разгромим фашистов
И вытравим до одного!

ВОЗМЕЗДИЕ

В тот час, когда фашистские войска
К земле родной краями танков вышли,
Словоки пали в небе облака,
Словоки слаги деля в Перемышле.
На промисла скользяй рыбачий поток
От Мурманска по теплному берегу.
Спапа Москва, уставши от работ,
Спешили корабли к Владивостоку.
Баку шурфы нефтяные копыла,
А в Кисее — в какой-нибудь квартире —
Митгажым спом
Вихрастый мальчик спал,
Не мысля ни о войнах, ни о мире.
Что силоско мальчику в большом тылу,
В своей согретой крошечной постеля,
Когда потоки бомб,
Прорезав мглау,
Над садом Украины прояснители?

В тот день
Мы все услаивали: «Война!
На нас зярей ползут остервенелю,
И прокатилась по стране волна —
Народный гнев» —
И нет ему предела.
Мы научились дружить дорожники:
Могучий фронт негодями от тыла.
На наших русских землях
Не княжить,
Не воздурить свой флаг
Тебе, громали!
Ты жаждешь славы, чтоб торжествовать.
Пусть твой кулак над селами протянут,
— Но девушкам
В рубинах не бывать,
Невольничками
Юноши не стану.

Мы отстоим земли своей права:
Они, как Революция, священные.
Чудоливне,
Подобие гнева,
Не обрести тебе
Ни торжества,
Ни острова святой Елены!
Разгуду твоего настанет ночь,
И затрубят «исов-рыцарей» тревогу.
Ты, как взбешенный зверь,
Метнешся прочь,
Но пути преградит тебе дорогу.
Ты ринешься от смерти напрямик,
О тьму штыков могучих рассекать...
И ты захочешь, может, в этот миг
Погибнуть, как великий корсиканец.
Но ты же обретишь той славы,
Нет!

Она тебе бесчестием лишь вымала.
Тот, кто котляй Европу стоило лет,
Помо позорной,
Странной смерти мало.
И ты поймешь, беснуясь и моля,
Что вся планета для тебя —
Измена.
Не то, что наша русская земля,
— Твой прах не примет рейнские поля:
Ты смрадлен ты,
И так земля священна.
Весь мир,
Все человечество за нас.
Мы вынесем суровое крещение.
Мы победим.
Пробьл возмездия час.
Да будет истребительным отмщене!

Ганс МАРХВИЦА

БЕГЛЕЦЫ

РАССКАЗ

Ночь была черная, колдовая. Лес, в котором они надеялись укрыться, оказался страшным. Месяц зашел, и они потеряли направление. Они пробрались сквозь чащу, один—со стопами и жалобами, другой—молча, упорно стремясь вперед. Какой-то зверь, неожиданно выскочивший из чащи, испугал юношу, тот споткнулся и упал. Юноша перевес все пытки, примененные в лагере при допросах, все наказания. Лишь несколько дней назад его ампутировали на темного карьера. Он был худ: кожа да кости.

Старший поднял его и сказал сурово:

— Вперед!

Нужно было твердым, только упорство и настойчивость могут спасти нас!

Ожог на груди еще не зажил. Ожог от горнячих пантрос, которыми прикидали во время допросов.

В течение многих месяцев они были забыты, молчаливыми, угасшими существами.

Вставали по команде, маршировали по команде, работали лопату на плечо. По команде пели, работали на болоте.

Время от времени кто-нибудь из заключенных устремлял взгляд вперед солнца, которое, закатывая свой дневной путь, как бы прощаясь, вспыхивало над темной полоской леса и уходило на восход. Редко кто произносил что-либо слово об этом, но при взгляде на запад в глазах затравленных людей загорались огонек надежды. Там была граница. Волье есть же где-то конец этой ужасной жизни!

Немного доставалось счастье выйти на свободу.

И все же в лагере они держались крепко, подбавлялись слабым, заботились о больных. Они готовились к бегству.

Надеялись на приходе известий с воли. Сообщить что-нибудь о жизни лагеря—если бы это даже и удалось—значило решить себя на новые страдания.

«Кто-нибудь должен бежать!»—решили они.— Должен же кто-то рассказать о том, что творится здесь».

Тогда они вызвались бежать из лагеря, окруженного стопами и колочной проволокой, охраняемого пулеметами и зенитки в образе людей.

Юноша, которого он взял с собой, обессилел, падает на землю.

— Идем!— он вскрикивает упавшего, падаете поставьте его на ноги.

— Хоть минутку!— просит тот.

— Ни одной! Возьми себя в руки, или я брошу тебя здесь».

Юноша со стоном бредет дальше. Он отстает, он готов опуститься на землю в отчаянии себя в руки судьбы. Беспомощность и слабость юноши мешают старшему: это груз, который не дает продвигаться вперед. Старший уговаривает, требует, удерживает. Юноша снова падает.

— Если бы только мама знала!— он рыдает, как ребенок.

Старший беспомощно смотрит на юношу; присел на пень, он гадает мальчика по головам:

— Ну, успокойся. Подумай только: если нас поймать,— все усилия пропадут даром. Иначе пельда, паремек. Надо держаться до конца.

Противный крик заставляет его встать на ноги.

— Из лагеря! Погоня!

Теперь он с еще большей суровостью гонит юношу вперед. Желая свободы, сейчас, когда он может опять ее потерять, проснулся в нем с новой силой.

— Идем! Идем!— неутомимо твердит он.— И зачем только ты потянулся за мной, когда ты так слаб!—Но тут же его снова охватывает жалость, он просит:— Ну, пойдём, подберишь, вези и только так».

Поддерживая юношу, он говорит:

— Подумай, что с тобой будет, если ты отстанешь. Покажи свою мать. Наверное, скоро нам удастся где-нибудь спрятаться, потерпи».

Шум, треск машины.

Подсвечивает штурмовики на автомобилях и мотоциклах. Белый дым пронизывает лес, беглецы иригаются к земле. Гудки... Много гудков, эхо разносит их в ночной тишине. Слышатся команды:

— Соби с машины. Искать!

Юноша ложится на мот:

— И больше не могу. Нет смысла двигаться, все равно не дойду. Прети один, у тебя дети!

Старший уговаривает, просит, грозит и, когда ничто не помогает, рвется.

— Кто-нибудь должен бежать!—и он бежит, волочит, пробрается сквозь чащу. До него доносятся торжествующие крики и выстрелы.

Густая, черная вода преграждает ему путь. Нога погружается в ил, он бредет, как его головной дронит луч прожектора. Он пречет голову под нависшим кустом ивняка. Вода доходит до подбородка. Он стоит, стараясь не шевелиться, думает об юноше. Наверное, убит. Зря он так мучился.

От холодной воды ломит все тело.

Крики, гудки автомобилей, гул мотоциклов стивают вали. Потрошенные шумом птицы, сердито алая крыльями, постепенно успокаиваются.

Навонен, он решает выбраться из воли, вылезает на сухое место.

— Стоит ли?— охватывает его сомнение.— Имет ли смысл?».

В этот миг раздается скрип колес. Слышен шумот копыт и фырканье лошадей, топ калышину возница».

— Будь, что будет,— тихо шепчет беглец и окликает проезжающего.

Крестьянин останавливает лошадь, пристально и недоверливо всматривается в скрюченного у края дороги человека, оглядывается назад.

— Влеза!— говорит он.

Крестьянин, крепкий молодой парень, недоверливо. Он ворчит, подгоняя лошадь, и часто обглядывается назад... Молча бросает он беглецу охапку.

— Ты просто как мокрая кошка,— бормочет он, качая головой.

Охапка толстого, теплого. Беглец закутывается в нее, и с таким вихлем окутывается в тревожное забытие. В сущности, он не знает, кому он доверил свою жизнь. Может, это первый путь в липа штурмовиков».

Лес остается далеко позади, прорывается в темную, сплотную стелу, как бы обрамленную жухлых от влаги. Зеленоватый свет луны заливает путь и воли. Собирается с духом, беглец спматывает:

— Где мы сейчас?

Крестьянин прошептал какое-то название.

Беглец, он недоволен, но очевидно, что недалеко от границы, потому что месяц все еще светит им в спину.

Тепло возвращает его к жизни. Теперь он готов записать ее любой ценой. Он будет сопротивляться до последней капли крови, если крестьянин захочет выдать его штурмовикам. Напряженно наблюдает он за каждым движением воюююю. Он пытается определить по луны направление и следит за движениями крестьянина: не поворачивает ли он лошадь».

Возможная и напряженная борьба за вновь обретенную жизнь... Когда воюююю оборачивается, беглец пристально смотрит ему в глаза: ведь он отдает добру и зло человеческой души. Но во взгляде крестьянина видны только недоверие да озлобленность.

Воюююю поворачивает к деревне и останавливается около мостика. Знаком промывает седлоку ноги и быстро отпихивает его в дом.

Тако звякает цепной воли, приветствуя вошедшего гостя мячущим.

— Дай ему поест,— говорит крестьянин жене.

СРАЖЕНИЕ ПРИ КУНЕРСДОРФЕ

Беглец шпалет вперед...

Она испуганно смотрит на немкаюна. Наверно, ей о многом хочется спросить, но крестьянка сурово смотрит на нее, и она молчит.

— Сядь-к о мною! — обращается крестьянка к герою.

Беглец быстро осматривается по сторонам. При виде большого полета он бодается, козья застывает у него в жалах: «Гитлер!» Он встает садится у печи, молча берет хлеб и молоко и думает: «Ну вот и конец!»

В соседней каморке крестьянка тихо разговаривает с женой. Слышится испуганный шепот женщины. Затем она встает и смотрит на него: «Сейчас все кончится или произойдет чудо!» — думает беглец.

— Будет лучше, если ты этой же ночью передеши траншею, — говорит крестьянка.

Хозяйка прогибается беглецу каку-то куртку, Хозяйка, сивая с твоею корявенью форму штурмовика, начнет передеваться.

— Так будет безопасней! — говорит он, и его суровое лицо впервые освещается добродушной улыбкой.

— Сидеть-к луга! — провозглает крестьянка им вслед и тяжело вздыхает.

Они обходят деревню и идут по долине, через пуганные луга и болота, затопленные туманом.

— Одни? — вдруг спрашивает крестьянка.

— Вдвоем! — отвечает беглец. — Второй выжила из сил.

Крестьянка качает головой.

Они идут через перелески в пустыря. Светит луна. Стобы и тучки кажутся солдатами, стоящими на страже.

— Видит бог, и нам нелегко живется, — говорит крестьянка мрачно и смолкает опять.

Он озабоченно осматривается вокруг. Беглец, томный неизвестностью, идет за ним. Надежда сменяется новым вздохом ислерия, мучительными сомнениями.

Они останавливаются у кустов ивыняка. Вперед выливаются дерзкие дошки.

Крестьянка допытывает на шаг.

— Вот там, видши, дошки, это уже по тебе сторону границы.

Беглец шагает вперед в думает:

— А если он выдет революдер и...

Он оборачивается. Крестьянка уходит. Неожиданно беглеца охватывает чувство одиночества. Крутом безмолвие.

Он переходит границу.

Еще раз оборачивается.

Крестьянка уже не видно.

— Я жив! — говорит он в удивлении тому, что прошел через все муча, вынес все испытания, что все осталось позади.

— Я расскажу всем, я буду бороться, я буду жить! — говорит он, и его глаза наполняются счастливыми слезами...

Перевод с немецкого
Л. ГЕРСИМОВА

Стогла осень 1759 года... Русские войска, победоносно сражались за родную, или по Герману. Немская столица — Берлин — была уже на виду. Фридрих, король прусский, прозванный «Великим», спешил на выручку своей столицы с 48-тысячным отрядом. 12 августа он подошел к селению Кунерсдорф (близ Франкфурта), где на холмах, между рекой Одером и Франкфуртским лесом, расположились русские и австрийские войска. Здесь Фридрих решил приостановить наступление союзной армии.

Опытный полководец, Фридрих надеялся на скорую победу. Ведь войска русских все лето находились в непрерывных боях; графа Салтыкова, командовавшего ими, Фридрих не признавал военным руководителем; позиция русских была неудачной; немецкие войска считались непобедимыми. Казаалось, все суло победо — разгром союзной армии и окончание Семилетней войны. Но «великий и непобедимый король» не учел в полной мере одного обстоятельства — силу русского оружия. День 12 августа 1759 года впоследствии вспоминали им как день падения его военной славы.

* * *

В 9 часов утра войска Фридриха начали наступление: загрелили пушки, обстрелявая позиции русских, стрелки в боевой порядок немские нехота и конница. В одиннадцатый утра стройные колонны немцев с музыкой, барабанным боем и развернутыми знаменами двинулись в атаку. Первые укрепления русских на высоте Мольберг были взяты, большие части, задержавшие эту высоту, сняты превосходящими по много врат силами немцев. Этот успех воодушевил Фридриха и его войска; сражение уже казалась выигранным. Получив во время боя донесение о победе над французами при Милдене, он отослал ответ о своей победе под Кунерсдорфом. Завлавывший новая отпорозилась! Он уже мечтал о полном уничтожении противника. Историк Архипович совещательствует: «Мысль его была не только удовлетворением победою над Русскою армией, но ее совсем уничтожением».

Между тем бой разгорался. Граф Салтыков хитроумно сталпил сал с главным ударением на высоте Гросс-Шнандер. Здесь устанавливались сильные артиллерийские батареи, сила с соседних высот была бронным Азовским и Изюмским полками. И когда немские grenadiery, руководимые самим Фридрихом, пошли в атаку, их встретили смертоносным огнем. Пули, картечь, гранаты косили немскую пехоту, но она все делала и делала, тупо покрывая высоту. Отдельные группы уже приближались к русским батареям. Защищая высоту не отступали ни на шаг. «Каждая линия, сидюча на холмах, до тех пор отстреливалась, покауда уже не оставалось почти ничего в живых и целых», — вспоминает очевидец этого сражения А. Т. Волотов. Настал серьезный момент...

Тогда солдаты Азовских и Изюмских полков поднялись и с промывом «ура» пошли в тыл. На узком и тесном пространстве высоты

завязалась отчаянная схватка. Русские дрались как львы. Немцы не выдержали пылкой контратаки и повалились вниз. Их поддержала конница: она пошла в фронтальную атаку. Вот она уже врывается во фланг Новгородского мушкетерского полка. Наверстуже выметается три колонны полка Румянцева и Лаунова. После ожесточенной схватки немецкая конница повалилась вниз. Остатк зарпотох русские батареи, уничтоженные собранноста у подножья горы противника.

Еще несколько попыток Фридриха атаковать русских потерпело неудачу. Он отстал и так последние резервы: испуганную кавалерию своего лучшего генерала — Зейдлица. Она должна была зайти в тыл пехоте, обороняющей Гросс-Шнандер, опрокинуть ее и захватить батареи. Маневры кавалери Зейдлица прошли на виду у русских, хладнокровно приготовившихся достойно встрече. Ружейный и пушечный огонь отбил и эту атаку.

Салтыков отдал приказ о контрнатрастении на высоту Фридриха. Русская кавалерия неожиданно ударом обрушилась на главные силы немцев. Ее стремительная атака была соружительной. Кавалерию поддержала пехота; неутомимой и мощной лавой она катилась с высоты, поднимая и обстрелявая в овраг немцев. Во главе русских grenadiery оказался молодой полковник Суворов. Неустрашимый и всемогущий, ловкий и храбрый, он повел полк grenadiery в наступление на высоту Мольберг, атакуя первой атакой немцев. По высоте была развернута Шувалова. Суворовские grenadiery шкваловой атакой выбили немцев из окопов...

Расстрелянные, разбитые отряды немцев отступали ко всему фронту. «Русская армия в величайшем беспорядке отступала... при Кунерсдорфе была повсеместно и наголову разбита», — пишет историк Рейгов. «Непобедимый и великий король» еле спасся позорным бегством. Завлавывший немеский поля был бит, дорога на Берлин — открыта. Еще один раз русские люди доказали славу своего оружия.

«Словом, наши русские дрались в сей раз с величайшим ожесточением и заальчужество», — вспоминал очевидец Волотов. «А выносливость, храбрость, послушание и единодушие солдатства должны навегда примером остаться», — заключила свою речь оратор (донесение) Граф Салтыков.

Через два русские войска заняли Берлин. Армия Фридриха была разбита. Победоносно выдана русскими плечи от немеской столицы. Она и сейчас хранится в одном из наших музеев.

Семилетняя война кончилась, и русские войска вернулись на родину.

Сражение при Кунерсдорфе и взятие Берлина — исторический урок немцам. Пусть помнит об этом завлавывшие фашистские воины! Наша доблестная Красная Армия, верная священным традициям русского оружия, разгромит фашистские банды!

М. ФЕДОРОВ

Война в ВОЗДУХЕ

В августе прошлого года над Лондоном и на подступах к этому девятимиллионному городу развернулись грандиозные воздушные бои.

В течение трех месяцев (август — октябрь) сотни фашистских самолетов ночи непрерывно, днем и ночью, штурмовали город.

Огромные воздушные силы бросали немцы на столицу Англии, но все же «бой за Лондон» был ими проигран.

В первые дни немцы бросали на Лондон плотные косяки, соединения бомбардировщиков, напоминавшие пекотную колову и строю. Девяносто бомбардировщиков выстраивались в шесть рядов по пятнадцать машин в каждом. С флангов бомбардировщики охранялись десятками истребителей.

Немцы считали, что комбинационная огневая мощь бомбардировочного соединения окажется достаточной для отражения неприятельских истребителей. Этот расчет не оправдался. Английские истребители применили следующий маневр против строя «примотолыки». Часть эскадрильи забрасывалась на малочисленную войну и завязывала с ней воздушный бой, при этом английские истребители старались оторвать неприятельские истребители от бомбардировщиков. Разрыв между ними выростал с катастрофической быстротой. Сдавалась пятидесятикилометровая скорость истребителей и трехсоткилометровая скорость бомбардировщиков, продолжавших свой путь. Через две — три минуты воздушного боя целые соединения истребителей уже оказывались на расстоянии нескольких километров от бомбардировочного соединения. А в это время сверху, на голову бомбардировщиков, сваливалась «волновая атака» — основные силы истребительной эскадрильи.

Гитлеровцы скоро убедились, что бомбардировщики нуждаются в усиленном коюве. Пропорции резко изменились. Если в августе союзные бомбардировщики совершали две — три вылета на истребителями, то уже в сентябре на один бомбардировщик часто приходилось до пяти истребителей.

Тяжелые потери во время дневных вылетов заставили немцев непрерывно менять строй воздушных соединений.

Чтобы не дать возможности английским истребителям оторвать коювы от бомбардировщиков, немцы стали применять для коювы известной со времени первой империалистической войны комбинационный строй истребителей, так называемую «карусель». Истребители уже не летали гуськом (каждый в своей колонне), а кружились по кольцу, передвигаясь в то же время вперед. Их путь представлял собой сильно растянутое спираль.

«Карусель» позволяла каждому истребителю защищать свое узкое место своего товарища — хвост самолета. Она давала как будто возможность обмени упином обходить глав вращающихся истребителей, не отрываясь при этом от сопровождаемых бомбардировщиков.

Теперь над «примотолыками» или «пробками» бомбардировщиков кружились «карусель» истребителей, а с флангов была — две «карусели» поменьше.

Но кольцевая защита не лишена и недостатков: истребители вынуждены летать на максимальной скорости, чтобы описывать круги над охраняемыми бомбардировщиками, вместе с тем не отстать от них. У них быстро истощается запас топлива. К тому же «карусель» все равно оказалась недостаточной защитой. Английские истребители, набрав высоту, циркулировали выше на бомбардировщики через кольцо «карусели».

Один английский истребитель, по словам английской печати, прицелился остроумный контрманевр против «карусели».

Ему было известно, что немцы летают всегда в параллельных часовой стрелки. Спустившись выше до уровня «карусели», английский истребитель пронесся вокруг нее, но против часовой стрелки. Будучи совершенно спокойным за свой хвост, он успел сбить шесть истребителей врага. Игла, «карусель» оказалась недостаточным прикрытием для бомбардировщиков.

Появился новый строй — «коробочка». Над бомбардировщиками летали уступами в три слоя три сплошных соединения («пробки») истребителей. Сверху бомбардировщики были надежнее прикрыты. Тогда англичане выдумали контрманевр. Они пикировали перед носом у бомбардировщиков, заходили снизу, были по незащищенным «брюхам» бомбардировщиков, делали быстрые развороты и выходили им во фланг. «Коробочка» рассыпалась, и компактный строй истребителей порывчатую смятку, или, как говорят англичане, в «собачью свалку».

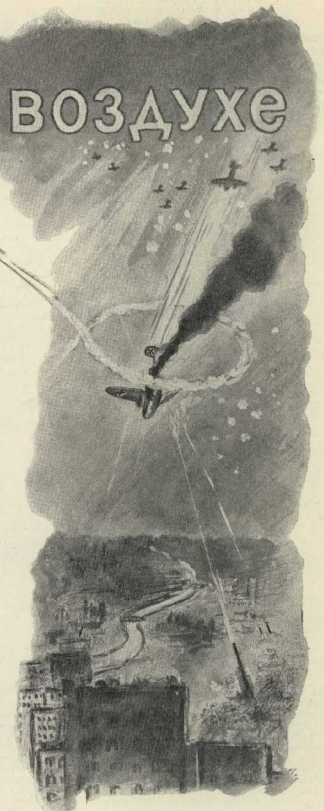
На смену «коробочке» появился «слоеный пирог». Три поколения бомбардировщиков, летавших одна над другой, прикрывались сверху и снизу трехслойным же (трехъярусным) коювом истребителей. Англичане назвали этот строй «сэндвичем». Но этот «сэндвич» истребители тоже раскусили и быстро добирался до «начинки».

Вскоре вновь появился традиционный строй, но в сильно измененном виде. Англичане его прозвали «птичьими глазами».

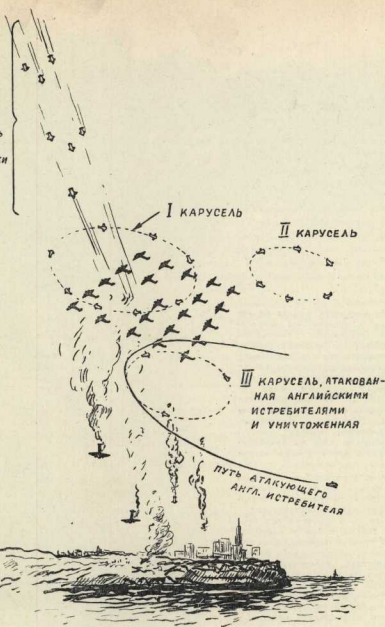
Тринадцать бомбардировщиков образуют ядро. Над ним вост, сзади — хвостная эскадрилья второй клин истребителей. Сзади, на флангах, кружат две «карусели» истребителей. При-

смотрится в схеме этого строя, и вы поймете, почему этот строй был назван «птичьими глазами». Вы увидите как бы два круглых птичьих глаза («карусели») и двойной острый клюв («хвосты»).

Еще одна разновидность клина была применена немцами в последнее время. Она получила название «стреки». Растянувшись поперечной огибающей бомбардировщиков прикрываются с обеих сторон двумя цепочками истребителей (по десять в каждой). Им предшествует двойной клин истребителей (семафорный строй). Сзади они прикрываются еще несколькими звеньями истребителей.

ЭСКАДРИЯ
АНГЛИЙСКИХ
ИСТРЕБИТЕЛЕЙ,
АТАКУЮЩАЯ
ЧЕРЕЗ I КАРУСЕЛЬ
ОХРАНЯЕМЫЕ
БОМБДИРОВОЩИКИ

«Карусель».

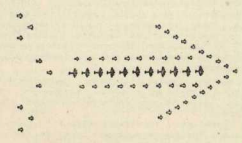
Но все это не помогало. Несмотря на непрерывные изменения строг, немцы бомбардировщики несли большие потери. Бывали дни, когда германские фашисты теряли самые свои бомбардировщики.

Одними английские наблюдатели были ошарашены поведением одной головной машины. Она круто пикировала на цель, но не сбросила бомбы, а, описав круг, быстро ушла вверх. Оказалось, что головная машина чертила в небе дымовое кольцо. Следующие за ней машины вырвали в это кольцо и сбрасывали с большой точностью свои бомбы на объект. Эта хитрость имела успех до тех пор, пока английские истребители не раскусили ее и не стали целиться в то же самое дымовое кольцо.

Тогда гитлеровцы решили использовать свое основное стратегическое преимущество — близость авиационных баз на французском побережье. Они стали применять в качестве бомбардировщиков свои двухмоторные истребители. Каждый истребитель брал с собой одну бомбу среднего калибра за счет уменьшения запаса горючего. Эти истребители налетали небольшими группами, спрятавшись в облаках, а иногда над бреющим полетом и маскируясь в складках местности. Они вылетали с разных аэродромов и с разных направлений выходили на цель.

Англичане отвели ослепоченной бомбардировочной аэродромов на побережье Франции, заставляя врага стартовать из более отдаленных аэродромов. Ту же цель преследовали и другой манер англичан или подстергали немецких истребителей на обратном пути, а иногда и самых аэродромов. Германские истребители, выходявшие с ограниченным запасом горючего (чтобы иметь возможность захватить с собой груз бомб), находились к тому времени в явно невыгодном положении.

Одним из наиболее важных объектов испарительских вылетов являются аэродромы.

«Стрела».

Но удивительно поэтому, что аэродромы тщательно маскируются. Сверху такой аэродром выглядит то как лесок, то как дуга со стогами сена, то как небольшая деревушка.

Но вот получил приказ о вылете. Точнее деревья отодвигаются в сторону (они стоят на крестовинах), мгновенно раскрываются стога, убираются «лошадки» и «ворота», открываются полукруглые стога дровяных домиков, и ведро анализируются готовые к вылету самолеты.

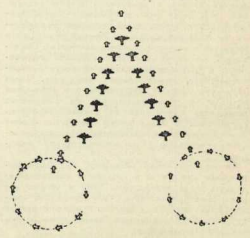
Наряду с тщательной маскировкой настоящих аэродромов строится сеть ложных аэродромов, которые, впрочем, также маскируются (шагче враг не поверит), но не так тщательно. Обе стороны не ограничиваются тем, что на ложных аэродромах строят точные макеты самолетов; они устанавливали на некоторых из них несложные моторы, которые вращают пропеллеры макетов. Такой аэродром иногда обслушивается летчиком, который на настоящем самолете то взлетает, то садится на ложный аэродром.

Одним словом, всеми средствами стремятся создать у противника впечатление, что это настоящий аэродром. И очень часто противник тратит ценный груз бомб на уничтожение картона и фанеры.

Но не менее часто эти хитрости разгадываются. Здесь приходит на помощь разведка, работающая в тылу противника. Рассказывают, что через два часа после того, как на французском побережье гитлеровцами был оборучено один ложный аэродром, прилетели английские самолеты и разбомбили его... деревянными бомбами.

Как ни ухитрились немцы, им не удалось провести англичан. Каждая уловка фашистских летчиков весьма скоро разгадывалась англичанами, на каждый маневр они отвечали контрманевром.

Немцы были вынуждены снять воздушную осаду, отказаться от дневных вылетов и перейти на ночные, т. е. признать «бой да Лондон» прерванным. Все реке и реке стала появляться фашистская авиация над Лондоном.

«Птицы глаза».

и все чаще и чаще летают английские бомбардировщики над Гамбургом, Кельном, Дюссельдорфом.

Рези переменились. Теперь уже многочисленными подразделениями английских бомбардировщиков в сопровождении истребителей пересекли Ла-Манш в обратном направлении. Они бомбит военные объекты фашистов. Систематически и ардуными бомбардировщиками уничтожены германские города все усугубляется. По словам Черчилля, только за последние несколько недель англичане сбросили над Германией около полумиллиона всего количества бомб, сброшенных немцами над английскими городами в течение всей войны.

КОЛОСЫ

Сначала статья эта условно называлась «Тылому». Условно потому, что вышедшей войной исчезает старое понятие «тыл». Можно ли назвать тылом громадный город, где каждый завод, каждая фабрика работают для того, чтобы обустроить, накормить, вооружить работника и война, ставшая на защиту родины? Можно ли назвать тылом мирную обстановку, куда не доносится грохот орудий, но на которую с неюю небой слышат чудовище в образе человека — фашист, слеза, чтобы сделать то единственное, что он, фашист, умеет делать: ползает, взорвать, разрушать.

Можно ли назвать тыльником человека, который, не идя ни воем, не считая часов, работая у станка, на поле, который, не жалея жезлет у станка, ушколетая шпана, диверсанта, изменника?

В гражданской отечественной войне нет тыла и фронта. Фронт — это, как правило, тыл и тыл — это, как правило, фронт. Мы знаем о том, как приходила война в европейские города. Эрнбург рассказана нам о палении неселого Парижа. Мы читали скучные заметки о том, как воспринимали Берлин, услышав о возможности влета англичан.

Все это непознано на нас. Мужество и смелость наших людей, уверенность в сознании проты своего дела, уверенность в победе, стремление собственными руками, головами, кровью участвовать в самой сражающейся войне, какая только может быть на свете.

Журналисту не пришлось искать фактов для своей статьи. Они сами приходили к нему, они встречали его на каждой улице, в каждом переулке и дворе.

— В один из районных советов Осоавиахиза вошла женщина. Миноем руляло лицо, седые волосы. На вид лет шестьдесят. Взяла, била, била оторвалась от шестидесяти лет, била оторвалась от шестидесяти лет и улыбнулась ей. Она забрала на минутку раскрасить описи.

— Нашиш получаема телеграмм от дочери: «Еду на фронт. Ирку оставьте у себя». Потом приходит зять, ее муж, и говорит: «Еду на фронт. Ирку пусть у вас остается». Мы с другом Ирку рады, но что же получиться — я исплачуна даже; один ужасает, другой ужасает, а мы-то все стариком неужто не понимаем? Пошла в доверчивый пункт, чтобы просмотрела мою кровь, моет, она еще чего-нибудь стонит. И представьте себе: первая группа, 70 процентов геологов! — Вот видите, 61 год, а кровь молодая, пригодится завиток, кому-нибудь.

Она охотно дала мне свой адрес: Малый Козьминский, дом 11, квартира 4; сказала свое имя: Зинаида Николаевна Соболева. А потом спросила:

— А вы кто, упрямое? Если надо у вас в доме лекцию по ПВО прочитать, мой муж придет, а я могу рассказать.

Она не поверила, узнав, что рассказанное ею интересно для печати: стоит ли писать о таких вещах?

— Я дома 15 по Малой Бронной увидела четыре девочки пяти-шестилетними сгоревшими влет вместе на фронт. Они пришли в совет РОКК и заявили об этом, подчеркивая, что все имеют значок ГСО.

— Ничего не выдает, девчата. У вас хвастает взрослых сеестер.

— Но мы можем там делать и что-нибудь другое. Стрелять, например.

— Тоже не выдает, у вас девочки не воюют: на это это взрослые мужчины.

Они растерялись немного. Вероятно, они думали, что проведут последние часы в Москве (и тех были даже какие-то увелики с собой) и отсюда, из РОКК, не заходя домой, прямо на вокзал, на фронт. Потом одна из них сердито сказала:

— Тогда давайте мы у вас подметем, что ли... Грызть какой разведки.

Грызть никакой не было, но здесь уж возразило не стали. Девочкам заявили какое-то дело, тех пор они казались бы поинтересно. Какое просят? РОКК, с готовностью хватался за любое поручение, которое перелает им от взрослых дружинок.

Пятинадцатилетняя Наташа Такстон в первый раз пришла в райком комсомольца делегатом от школьниц и попросила послать их на любое предприятие, где они могут пригодиться. Девочек послали на фабрику «Скоро».

— Работа там несложная, — сказала им, — она требует только внимания и аккуратности. Хотелось чего-нибудь потруднее, хотелось на военный завод, но ничего не подешевало. Наташа собрала подруг, все вместе они отпраздники на фабрику. Там они и работают теперь. Они довольны.

В Советском райкоме комсомола среди множества заявлений, просьб, предложений, написанных на эти несколько дней, есть такое: «Наша страна влетает сейчас отечественную войну. Много колхозников ушло за границу. Мы, комсомолки 12-й школы, райком послать нас всех на работу в колхоз». Под заявлением подписались все, кто не работает на производстве, не мобилизованы райкомом — 48 человек.

Только факты. Выберем из них еще одну о комсомольской организации 12-й московской школы.

До войны это была обычная школьная комсомольская организация, каких много. В положенное время развивались звонки, извещая о программе или о начале учения. В райком комсомольцы с красивыми поздравлениями выходили в коридоры смирать бунуйный быт обитателей всех четырех этажей. После уроков-договоры по поводу обобщенные кругом — их было в школе очень много, — спортивные состязания и всякие другие школьные дела...

После испуганной распросились до осени, обещали писать друг другу. Разобрался кто куда: кто на дачу, кто в деревню, а кто забирался с утра в читальню и, несмотря на все соображения, не выходил оттуда до позднего вечера — готовился к экзаменам в вуз.

Но встретились мы пришлось все осенью: раньше, 22 июня.

Видать второе июня. Все мы запомнили это предвечернее лето, в который началась отечественная война. Анатолий Фурман, секретарь комитета комсомола, сразу после речи товарища Молотова, сержанкой по радио, побеседовал в райком комсомола. По пути заглянул в школу. Никого не было, да в него много было: прошло уже три минуты. В райком комсомола поступ: все в райкоме партия. Никогда он не бежал по улицам, обвешивая трамваи и автобусы, к нему много успела поговорить добрая половина комсомольцев. Телефон трещал непрерывно.

— Где Тоня? Куда он исчез в такое время?

— Где мы собираемся? Куда приходим? Встретимся за городом. Выждать или пойти в местную организацию?

Через нас все комсомольцы были у школы. Некоторые горячие головы предложили тут же отправиться в ближайший военкомат и проситься добровольцами на фронт. Но не это нужно было сейчас. Анатолий спокойно, как будто это было самое обычное собрание и как будто это не он только что канувшая вальсировать по улицам, спокойно сказал:

— Кто из вас что умеет делать? Инструкторы ПВО, поднимите руки. Так. Значитесь ГСО. Так. Кто умеет водить машину? У кого есть мотоцикл? Значитесь. Значитесь ли наши стрелки? Кто еще что умеет делать? Шить? Хорошо. Варить? Ну что же, может быть, и это пригодится. Вот пока и все. Теперь собирайтесь к себе по двору и райкомовым людям, все-

ли кто не понимает, что произошло, что сказал товарищ Молотов.

Первыми нашли себе дело девушки. Открылись курсы медсестер, и все старшинохозяйки туда записались — и комсомолки и некомсомолки. Занимаются очень серьезно, стараясь поудить запомнить все, что говорит врач, поскорее научиться тому, что нужно.

Кое-кому из них уже пришлось и поработать. Правда, делали они по 70, чему их обучают. Попросили выдать формы в больничном-вымяли. Потом дружок было подарены кровати покусавшие. Потом переставили мебель, мыли окна, белили стены.

Анатолий Фурман работал в штабе ПВО. Ему вонзали в голову приклад упрямых инструкторов, жался. Они задают вопросы, вносят предложения, просят дать инструкторов. Почти все комсомольцы школы уже работают инструкторами ПВО.

Никогда раньше приходилось проверять посты, и тут в течение происходит разные встречи.

— Это ты, Фурман? Здорово. Ну узнаешь? Да это я, Серебряков, из соседней школы. Ну, рыжий такой, поминишь, мы с тобой еще погуляем в райкоме из-за вокзалов.

Фурман взорвется с новым серебряковом, просмотрев его в школе, и мнется дальше, в новые дворы...

Велосипедистом оказалось шесть. Они составляли велотуряд и поочереды работали в райкоме, днем и ночью.

Велосипедисты поочереды и ставят рекорды быстроты, сами того не замечая.

Есть еще школьницы, всю зиму занимающиеся в музыкале, изучающие разные приборы. Да их них пока еще дело по специальности не найдено, и они выполняю другие поручения.

Был среди старшинохозяйки фини парень, которого прозвали «Сорока пять минут». 45 минут минимум требовалось обычно для того, чтобы убедиться его выполнять какое-нибудь поручение. Пятидесятый минут он уезжал, но кто-нибудь из комсомолок всегда выказывал, что он нериспособен для этого дела. Остальное время размишала, нельзя ли выдвинуть еще какой-нибудь доклад. И, наконец, приступил к стеску, крикам и смеху, принимался за работу.

Надхот Фурману потребовался человек, который смог бы срочно выехать в любое поручение райкома. Никого, кроме «Сорока пять минут», поблизости не было.

Пришлось вызвать его. Фурман кратко сказал, что надо сделать, и только было приготовился опровергнуть возражения, как тот уже слетел быстро, аккуратно.

Неделю Анатолий собрал всю организацию. Надо было проверить, где ли комсомольцы заняты. Собрание происходило на углу Большой Бронной. Школа была в этот час закрыта.

Комсомольцы стояли на углу улиц, секретарь проверял:

— Все мастера здесь?

— Нет, Алла Абросимова ушла по вызову в больницу.

— Инструкторы ПВО здесь?

— Двое провозят занятия с домохозяйками.

— Остальные здесь?

— Школяр.

— Все, кроме одного: призван в армию.

— Связисты...

Был обычный, свободный, деловой московский день. Минимумом замкнула красной палочкой, регуляру движение, во дворах дети пригали по зарисованным на земле класам.

Откуда-то доносился какой-то немаломощная лютая поесса. Прошла четким шагом красноармейская часть.

А комсомольцы стояли, обжудая, сло до дня и готовая к началу.

Рассказ о них начался словами: «Это дел и это была обычная школьная комсомольская организация, каких много. Кончить можно там же, где начался. Это была обычная комсомольская организация, каких много».

29 июля 1841 года по воле тупого и жестокого царя был убит на дуэли Михаил Юрьевич Лермонтов. С тех пор прошло сто лет. И подоимому смерти того, кто в незабываемых стихах восславил русскую землю, мы отмечаем в дни, когда на защиту этой земли грудью встал весь русский народ.

Лермонтов любил Россию «сильно, пламенно и нежно», стихи его вошли в плоть и кровь нашей родины, в плоть и кровь каждого из нас. Они звучат в наших душах в значительнейше мигу жизни: в печали, в счастье, в борьбе и в бою.

Под мерный звук могучих лермонтовских слов можно идти в бой, и за них можно биться, потому что стихи Лермонтова, как стихи Пушкина и стихи Маяковского, как красивейшие города и талантливейшие картины, принадлежат к самому нашему дорогому и сокровенному, к душевому из того, что создано нами. Это лучшее, творческое мы будем отстаивать, мы отстаиваем от диких варваров, которые предают все живое, прекрасное, человеческое мечу и огню.

ПОЭТ

Отдавал золотой блистает мой кинжал:
Клинок надежный, без порока;
Бугай его хранит таинственный закат,
Насадье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за усугуб;
Не по одной груди провел он страшный
след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делал послушное раба,
Звенел в ответ речам обидным;
В те дни была б ему богата резба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Терекот отважным казаком
На хладном трупе господина
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножен, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене,
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычно, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает.
И надписи его, молись перед зарей,
Никто с усердием не читает.—

В наш век измененный не так ли ты,
поэт,

Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой
свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенила бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для
пиров,

Как финиам в часе молитвы.
Твой стих, как божий дух, носился над
толою

И, отзвывая мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне ввечной
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой
язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир
привык

Морщины прятать под румяны.

Пробнешься ль ты опять, осмеянный
пророк!

Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножен не вырвешь своей
клинком,

Покрытый ржавчиной пресренье!...

М. ЛЕРМОНТОВ

БОРО

В своих воспоминаниях Наполеон писал: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое дал я под Москвой; французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобежденными».

Здесь мысль выскочила в такой нарядной форме, что явно она не хочет быть понятой до конца.

Смысл фразы: сражение не было решено на поле битвы. Сражение было ужасно. Участник боя артиллерист Разложивший, книга которого «Плохотная энциклопедия артиллериста» стала для Льва Николаевича Толстого не только одним из источников для написания «Войны и мира», но и дала ему материал для построения образа артиллериста Тушина, так описывает сражение:

«Из любопытства я въехал на ближайший курган, перед деревней Горки, с которого Русская батарея стреляла в неприятельские колонны. Тут открылось передо мною обширное поле сражения. Я видел, как наша пехота, в густых массах, сходилась с неприятельскою; в поле, как приближалась одна к другой, пускаясь одна батальонная осона, развертывались, рассыпались, и наконец исчезали: на месте оставались только убитые, а возвращались ране-

«БОРОДИНСКИЙ БОЙ». Фрагмент панорамы художников Ф. Рубо и К. Бекера.

ДИНО

СЛОВСКИЙ

ные. Другие колонны опять сошлись, и опять таким же образом исчезли.
Бородино—бой особенный по ожесточенности. В то же время Бородино—бой, в котором не был выполнен оперативный план Наполеона.

У Наполеона было 130 тысяч солдат, в русской армии было 120 тысяч бойцов, считая с необученными ратниками ополчения. Ратников было не менее 10 тысяч, вооружены они были никаки и топорами.

Кутузов занял позиции поперек большой дороги, ведущей из Смоленска в Москву. Фронт тянулся на 7 километров.

Действия Наполеона в этом бою кажутся невероятными, и именно разбор этого боя написал Лев Николаевич Толстой в романе «Война и мир» для доказательства своей мысли о том, что воля полководца не решает боя.

Наполеону во время сражения удалось потеснить русских, но он не смог довести боя до победного конца. Радожицкий пишет:

«Канонада с обеих сторон продолжалась до самого вечера; с наступлением мрака она стала ослабевать, прежде у неприятеля. Это было против обыкновения, ибо французы имели обычай к вечеру всегда усиливать огонь и натиск во всех местах, в знак своей побе-

ды; теперь же они призывались в бессилии. Наконец их артиллерия замолчала, явша также утихла и мало по малу ужасная битва прекратилась».

Наполеону не удалось выполнить намеченный план сражения. За целый день боя Наполеон вытратил 400 саженей территории, но войска потерял до 40% своего состава.

По выражению Ермолова, в этот день французская армия разбилась о русскую.

Радожицкий пишет:
«Кровопролитнее Бородинской битвы еще не случалось для Наполеона. Судя по значительному урону с обеих сторон в генералах, она в точном смысле была генеральною».

Тушин-Радожицкий не видит всего того, что произошло.

Бородино было солдатской битвой. Битва протекла волею армий, волею французов, рванулась к богатой Москве, где они ждали отхода и добычи, с одной стороны, и волею русского солдата, защищающего свою родину,— с другой.

Большую роль в сражении сыграли и офицеры типа Тушина.

Это была битва необыкновенного напряжения артиллерийского огня.

Наполеон не только потому не мог провести свой план, что у него не было исполнителей для осуществления его воли, но и потому, что он не мог сломить сопротивление русских войск. Он не мог предрешить частный успех на каком-нибудь участке сражения в общей успех.

Потери русских были огромны, но и потери

Наполеона были также велики, и к тому же он не имел возможности пополнить войска. Не сразу он решился провозгласить победу, боясь, что силы его армии попорчены Бородинской битвой.

Потому описание Бородина в «Войне и мире» верно.

Русская армия не стала между Москвой и Петербургом после отхода от Москвы, а создала угрозу сообщением противника, войдя ему во фланг.

Русский народ в Бородине выматал победу, а полководец Наполеон—только победную реляцию.

Он получил некоторые участки русской позиции, потом город, потом территорию, но не разбил русской армии, а потому потерял все.

Первым назвал Бородино молодой Лермонтов. В стихотворении «Бородино» находится «Война и мир», как в жемчуге дуб.

Лермонтов дал в этом стихотворении слово солдату. Ветеран Бородинского сражения объясняет новобранцу, что такое было Бородинское сражение...

Лермонтов одним из первых дал правильное понимание не только Бородинского сражения, но и всей отечественной войны. Он показал в своем стихотворении величие национального оружия русской армии—артиллерии.

Лермонтов в своем стихотворении открыл все значение морального фактора в бою.

«Бородино» было и осталось сокровищем русского народа, памятником и предсказанием победы.

безнаказанно провякнуть к нам и выполнять свое черное дело.

Наказность или могут не только крупные десанты. Огромный вред способен принести даже один человек. Незамеченный и вовремя на обсервированный диверсант обеспечит посадку будущего отряда транспортных самолетов, объект вражеской бомбардировки важного объекта, взорвет мост, дамбу, повредит железную дорогу, выведет из строя электростанцию, оборонный завод.

Черно и наказно следует за небом и землей — священный долг каждого о советского гражданина: мужачка это или женщина, взрослый или подросток. Дети, школьники, как называют прависта, тоже могут оказать родной стране неоценимую услугу.

В районе большого железнодорожного моста, между пунктами М. и Б., появился фашистский самолет. Он долго кружил над местностью. Судя по поведению самолета, можно было предположить, что летчик высматривает место для посадки транспортных машин.

С самолетом тщательно наблюдали с земли крестьянские дети из соседней деревни. Дети догадывались о намерениях врага и поспешили довести о своих наблюдениях командиру находившегося неподалеку воинского подразделения.

Действительно, вскоре на горизонте показался ряд больших транспортных самолетов, которые стали свисать с неба. Самолеты встали в 22 фашиста. Не теряя времени, они сразу же направились к мосту. До цели, однако, они не дошли: все диверсанты ползли в сторону бойцов воюющей за Тереньгу, подожженного фашистов на пути к мосту.

Где и когда следует вести наблюдение за воздушными десантами? На это вопрос можно ответить: везде и всюду, в любом районе, в любое время дня и ночи.

Современная авиация позволяет забрасывать десанты на сотни километров от линии фронта. Поэтому и вдалеке от фронта надо быть столь же бдительным, как и в районе непосредственно боевых действий.

Постоянное наблюдение за воздухом должно вестись, по крайней мере, на 500—800 километров от линии фронта.

Не только в городах, но и во всех местечках, деревнях, поселках следует организовать настоящие круглогодичные посты наблюдения.

Все это нужно организовать умело.

В каждом колхозе найдется достаточно активностей, особенно из сельской молодежи, комсомольцев, которые охотно возьмутся выполнять эту важнейшую и почетную обязанность.

Посты наблюдения лучше всего устанавливать на высоких местах с хорошим кругозором — на вышках, холмах, колокольнях.

Наблюдательный пост может состоять из двух человек: наблюдателя в связиста. Наблюдатель следит за появлением вражеских самолетов; связист в случае надобности организует настоящие круглогодичные посты наблюдения. Все это нужно организовать умело.

В каждом колхозе найдется достаточно активностей, особенно из сельской молодежи, комсомольцев, которые охотно возьмутся выполнять эту важнейшую и почетную обязанность.

Посты наблюдения лучше всего устанавливать на высоких местах с хорошим кругозором — на вышках, холмах, колокольнях. Наблюдательный пост может состоять из двух человек: наблюдателя в связиста. Наблюдатель следит за появлением вражеских самолетов; связист в случае надобности организует настоящие круглогодичные посты наблюдения. Все это нужно организовать умело.

В каждом колхозе найдется достаточно активностей, особенно из сельской молодежи, комсомольцев, которые охотно возьмутся выполнять эту важнейшую и почетную обязанность.

и ведут успешную борьбу с воздушным противником. Но они должны быть повсюду, во всех местах, во всех населенных пунктах.

Задача этой команды — уничтожение воздушных десантов противника. Безусловно, в любом колхозе найдутся дровосеки, а в руках смеель, решительных и инициативных людей они могут стать грозными и действенными оружием в борьбе с воздушным врагом.

Посты ведут тщательное наблюдение за самолетами и парашютистами, следят за подслушиваемыми сигналами. Обнаружив вражеский самолет или высадку десанта, наблюдательный пост немедленно ставит об этом известность войсковую часть, милицию. На основании указанных постов принимаются срочные меры по уничтожению десанта.

Крайне важно, чтобы эти указания были абсолютно точны и полны во время. Для этого необходимо, чтобы наблюдатель умел разбираться в типах вражеских самолетов, определять направление полета, разгадывать намерения врага.

Воздушные десанты бывают двух видов: парашютные и посадочные. Парашютные десанты сбрасываются, как правило, с бомбардировщиков и транспортных самолетов. Парашютисты выбрасываются небольшими группами по 4—8—10 и больше человек преимущественно с малых высот. Таким образом, в воздухе они находятся максимум 15—20 секунд.

Парашютисты имеют при себе только пистолеты. Все остальное вооружение: винтовки, легкие пулеметы, боеприпасы — также продовольствие и радиостанции сбрасываются на специальных грузовых парашютах в коробках и мешках. Парашютисты сбиваются кроме того сигнальными средствами (тракты, бенгальский огонь) для подачи сигналов транспортным самолетам и авиационным средствам для диверсионных целей.

Посадочный десант обладает более мощным вооружением. Иногда к транспортным самолетам, перевозимым десанты, подвешивают пушки, зенитные орудия и даже легкие танки. Наиболее распространенный тип самолетов для посадочных десантов в германской армии — транспортные самолеты «Ю-52» и «Ю-58».

На борту каждого такого самолета, помимо вооружения, находится 12—20 и больше человек. Первоначально посадочного десанта предшествует воздушная разведка или высадка парашютных десантов.

рашотного десанта для захвата посадочной площадки. Транспортные самолеты приближаются к цели в зенитном огневом прицеле. На значительном расстоянии от места посадки моторы выключаются, и самолеты планируют до того пункта, откуда получат сигналы.

Налет транспортных самолетов возможен как днем, так и ночью. Дневные самолеты в большинстве случаев летят под сильным истребительным прикрытием или в очень отдаленные, глухие местности.

Для посадки самолета летчик выбирает наиболее просеянные дороги, небольшие поля и лесные поляны, а для гидросамолетов — река, озеро, заливы.

Как же зорко, как за небом, надо наблюдать и за землей. Предположим, вы заметили на горизонте какой-то самолет, мелькнувший луч света. Нужно быть начеку! Это может быть сигнал вражеского самолета, который подлетит к своим самолетам. Пройти мимо этого самолета. Не успеваете до тех пор, пока окончательно не будет установлен источник сигнала. Как только заметили сигнал, сразу же постарайтесь установить его направление относительно местности в войсковую часть, в милицию. Необходимо «прощитать» участок, осмотреть все скверы, стога сена, сарай, не спрятались ли где-нибудь фашистские самолеты.

Насторожиться следует относиться к новым, неизвестным людям. Каждый вновь появившийся на селе, в колхозе незнакомый человек, как бы безобидно он ни выглядел, должен быть проверен. Вера может навредить на себя любую глупость. Надо быть бдительным.

При выбросе парашютного десанта решающее значение имеют первые секунды после приземления. Легче всего расстрелять десант, когда он еще не встает на ноги, или в самый момент приземления, когда парашютист еще не успел освоиться от строп и сбросить парашют. Позже, когда воздушный десант успеет разойтись по местностям, а за закрепиться на местности, задача уничтожения окажется более трудной. Враг уже получит возможность сопротивляться, атаковать, скрыться.

Вот почему чрезвычайно важно, чтобы своевременно был подан сигнал тревоги и чтобы истребительная часть (батальон или колхозная дружина) вовремя успела прыгнуть к месту приземления десанта. Большую помощь может оказать колхозная кавалерия.

Если по какой-либо причине не удастся уничтожить весь десант в момент приземления и кто-нибудь из диверсантов успеет скрыться, ни в коем случае не следует прекращать операции по истреблению десанта. Дружина обязана «прощитать» всю местность: реку, балки, овраги, леса, хлеба — и искать скрывающегося диверсанта до тех пор, пока он не будет обнаружен и обезврежен.

Задача группы собственной истребительным батальоном заключается также в том, чтобы помешать совершению посадки транспортному самолету истребительной частью. Если нельзя захватить самолет, надо постараться уничтожить его: расстрелять, топчаны и вилами прошивать безымянные баки, поджечь машину.

Рабочие, колхозное крестьянство, сельская интеллигенция, школьники, пионеры не раз уже показывали отвагу мужества, героизма и инициативности в борьбе с воздушными десантами. Развившую силу советского патриотизма испытали на своей шкуре сотни и тысячи фашистских диверсантов. Ни на противодесантную оборону должна быть и будет — еще крепче, еще сильнее.

Долг славному советской молодежи, молодежи мужества, героизма и инициативности в борьбе с воздушными десантами. Ни на противодесантную оборону должна быть и будет — еще крепче, еще сильнее.

Ни один фашистский диверсант не укроется от зорких глаз советского патриота. Нет и не может быть места воздушным разбойникам ни в советском небе, ни на советской земле!

Советские зенитчики обстреливают вражеские самолеты.

Выку оорки бьются фашистские машины.

Брусилловский прорыв

Генерал А. А. Брусиллов.

С утра апрельским утром в Мокшале на Д. Днепре, где в это время помещался Ставка Верховного главнокомандующего русской армии, открылся Военный совет.

Здесь присутствовал весь генеральный штаб. Председательствовал царь, вопреки всякому смыслу принявший пост Верховного главнокомандующего. Этот бездомный, дитяцкий, пустой человек, ничего не смысливший в военных делах, вяло и безучастно смотрел то в окно, то на стол и молчал.

Нужно было выработать план операций на 1916 год...

Время было трудное. Русская армия, перенесшая на своих плечах всю тяжесть кампании 1915 года, только что укрепилась на новых позициях.

Шел третий год войны. Уже почти 70 миллионов солдат дралась на полях сражений. Планили генеральный штабю воюющих сторон одним стремительным ударом опрокинуть противника потерели неудачу. Маневренные бои на флангах не привели к победе.

Войска зарылись в землю, окопались, окружили себя рядами колючей проволоки, бетонными огневыми точками, напостроили блиндажи и прочие убежища. Ломаная линия позиционного фронта тянулась на сотни километров. Артиллерийская дуэль, ружейно-пушечная перестрелка, ночные вылазки не прекращались, но это не могло сказаться на судьбе кампании. Чтобы одержать победу над противником, надо было пробить брешь в укрепленных позициях врага, бросить свою свою резервы и, уничтожив живую силу, захватить жизненно важные центры на чужой территории. То немецкое, то англо-французское командование сосредоточивало на каком-либо участке фронта большие огневые средства, массу войск и бросало эту живую силу в лоб, чтобы любой ценой протаранить фронт, вывести свои войска из окопного сидения на открытое поле и перейти от позиционных форм к маневренным стремительным броскам, неожиданным ударам по флангам, тылам.

Германское командование в 1915 году попыталось прорвать французскую линию укрепления под Верденом. На 40-километровый участок фронта было подвезено около 1300 орудий, сосредоточена огромная армия. Миллионы снарядов были выпущены по французским позициям, атаки сменялись атаками, и вот-вот, казалось, все валетит на воздух, и немцам откроется путь на Париж. Но все усилия оказались тщетными. Лобовой атаки под Верденом тянулись годы, стоив миллионы жизней, и все же Верден остался в руках французов.

Военная мысль тесно билась над поисками выхода. Нельзя же было бесконечно посылать друг друга тонами металла, терять сотни тысяч жизней и не приблизиться к победе, к завершению войны. Силы воюющих несливались, резервы шли на убыль. И хотя гигантская скачка продолжалась, малооблагодатная ожесточенная, война зашла в тупик.

Русский фронт тянулся непрерывной лентой от Балтийского до Черного моря и был разделен на три части, три фронта: северозападный, которым командовал генерал Куропаткин, западный, которым командовал генерал Эверт,

и югозападный под командованием генерала Брусиллова. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев предложил выработанный Ставкой план операций:

— Главный удар должен нанести западный фронт в направлении на Вильно, северозападный фронт своей ударной группой также должен наступить с северозостока на Вильно, помогая этим выполнению задачи западного фронта. Югозападный же фронт признав неспособным к наступлению, он должен держаться оборонительной тактики...

Генералы уяло молчали. Мало кто из них верил в возможность наступательных операций. Артиллерия было мало, снарядов не хватало, войска были измотаны боями.

— Рассчитывать на успех северозападного фронта трудно,— хмуро сказал генерал Куропаткин.— Прямой фронта совершенно неуютен. Укреплённые полосы настолько развиты и сильно укреплены, что трудно предположить удачу. Наступление приведет только к громадным безрезультатным потерям.

Командующий западным фронтом генерал Эверт присодинился к мнению Куропаткина.

— Наступать нельзя,— мрачно заявил Эверт.— Надо придерживаться оборонительного образа действия до тех пор, пока мы не получим достаточного количества тяжелой артиллерии и снарядов.

Военный министр доложил Военному совету, что отечественная промышленность не в состоянии сейчас дать необходимого количества тяжелых снарядов, получить их из-за границы сейчас тоже очень трудно— надо наступление отложить. Все сидели подавленные. Казалось, русскому командованию не остается ничего другого, как отбечь солдат на бесплодное сидение в окопах под свист вражеских снарядов. Иного исхода не было.

И молчаливый царь, и безвольный начальник штаба Алексеев, и командующие фронтами готовы были уже откаться от плана Ставки. Слово получил генерал А. А. Брусиллов.

Его речь была кратка. Слова, полные любви к родине, уверенности в силе русского

оружия, слова огненные и решительные, прозвучали на совете неожиданно резко, как призыв к действию.

— Мы должны наступать,— твердо сказал Брусиллов.— Не берусь говорить о других фронтах, ибо их не знаю, но югозападный фронт, по моему убеждению, не только может, но и должен наступать, и полагаю, что у нас есть все шансы для успеха, в котором я лично убежден. На этом основании я не вижу причин стоять мне на месте и смотреть, как мои товарищи будут драться. Я считаю, что недостаток, которым мы страдали до января, заключается в том, что мы не выжили на врага сразу всеми фронтами, дабы перекрыть противнику возможность пользоваться выгодами действий по внутренним операционным линиям, и потому, будучи значительно слабее нас количеством войск, он, пользуясь своей развитой сетью железных дорог, перебрасывает свои войска в то или иное место по желанию. В результате всегда оказывается, что на участке, который атакуете, он в назначенное время всегда сильнее нас и в техническом и в количественном отношении. Поэтому я настоятельно прошу разрешения и моим фронтом наступательно действовать одновременно с моими соседями; если бы, ваше величие, и даже не имел никакого успеха, то по меньшей мере не только задержал бы войска противника, но и привлек бы часть его резервов на себя и этим могущественным образом облегчил бы задачу Эверта и Куропаткина...

Царь, недолюбливавший Брусиллова, упорно молчал. Начиная Алексеев принципиально согласился с Брусилловым, но в помощи отказал. Изменил свой мнения Куропаткин и Эверт. Они сказали, что наступать будут, но за успех наступления не ручаются.

Военный совет вынужден был согласиться с мнением Брусиллова. Заседание окончилось. К Брусиллову подошел Куропаткин и полуголосом откровению ему сказал:

— Вы только что назначены главнокомандующим, и вам притом выпадает участие в наступлении не переходить, а следовательно,

«В атаку». С рисунка художника Сажокина.

Это было новое слово в военном искусстве. Подготовка к прорыву началась.

• • •

Австро-германские позиции были сильно укреплены. Позиции состояли из 2—4 укрепленных долов, удаленных друг от друга на 6—8 километров.

Каждая долина имела глубину до 1 километра и состояла из 2—3 линий окопов и узлов сопротивления, сильно развитых в инженерном отношении и находившихся в артиллерийской связи между собой.

В промежутках между узлами сопротивления было несколько рядов сплошных окопов, доступ к которым также обстреливался фланговым артиллерийским и пулеметным огнем из валовых и специальных каньонов. Первый линии окопов прикрывали 2—3 полосами проволочных заграждений по 4—5 рядов колеи в каждой. Проволочные заграждения в некоторых местах электрифицировались.

Перед неприятелями были заложены фугасные мины.

Затем линии столь же трудно одолжимые 2-я и 3-я линии укреплений.

Майским утром, тщательно маскируясь и прячась в складках местности, впереди линий русских окопов подошли наблюдатели. Они внимательно и поодлу присматривались к позициям врага. Все наносилось на карту: наблюдательные пункты, пулеметные гнезда, артиллерийские позиции, убежища.

Наблюдения велась и с воздуха. Летчик-наблюдатель следил за возсками, дорогами, позициями. Все отмечалось столбиками пролетов на станциях, движенье войск по шоссе и проселочным дорогам, расположение артиллерийских батарей. Из наблюдательных пунктов точно записывалось, где расположенные огневые точки противника, пулеметные гнезда, командные пункты.

Начали работать саперные команды. Саперы секретно, по ночам рыли котлованы, где могла бы укрыться небольшие группы бойцов. Русские позиции находились на расстоянии 500—1000 метров от австро-германских. Саперы долгие были созданы возможность нехоте закончиться для броска в атаку не далее, как в 200 метров от противника.

Инженерные работы велась не только против районов прорыва, но и по всему фронту. Были созданы инженерные плацдармы и построено много ложных сооружений.

Для артиллерии были построены наблюдательные пункты, убежища, телефонные станции, снарядные погреба. Во всех проволочных заграждениях перед атакой были проданы проколы.

В своем тылу войска обучались техничным приемам борьбы с неприятельскими препятствиями. Все было готово для броска в атаку.

21 мая начальника Алексеев вызвал Брусилова к прямому проводу и от имени царя потребовал отложить наступление.

— Как! Отсрочка немислалма, — твердо ответил Брусиллов.

— Царь жел снать и будить его неудобоно — сказал Алексеев. — Вы подумайте и отложите наступление.

— Сов верховного меня не касается, и болше думать мне не о чем. Пропшу сейчас ответа.

— Ну, бог с вами, делайте, как знаете, а я о вашем разговоре доложу государю императору завтра.

Брусиллов решил наступать.

С рассветом 22 мая в назначенных участках начали сильную артиллерийский огонь по всему фронту.

Брусиллов атаковал укрепленные позиции австро-германцев по трем направлениям: 8-я армия — на Луки, 11-я армия — на Львов, 7-я армия должна была отбросить противника от укрепленных позиций.

Легкая артиллерия проредила проходы в проволочных заграждениях. Тяжелая артилле-

рия и гаубицы открыли огонь по окопам первой полосы оборонительной линии. Вслед за тем артиллерия перенесла свой гудекальн, смертоносный груз дальше, в глубь позиций.

Полосы укреплений сметались и превращались в груду обломков. Артиллеристы били метко, метко. Внезапно огонь по всему фронту был прерван. Противники подумали, что это начало атаки, и вынулись из блиндажей, но снова захлопотали пушки, сел смерть и разрушение; и так, несколько раз повторился этот процесс. Противники окончательно деморализовали врага.

Враг растерян, подавлен, он не знает, когда надо приготовиться к атаке.

Неожиданно вслед за артиллерийским валом двинулись в атаку русская пехота — лепобеготой своей, яростная в своем стремительном порыве.

Русские солдаты все, как один, поднялись из окопов и стремительной лавиной двинулись на врага. Ничто не могло их остановить. Пройдя первые ряды проволочных заграждений, уже разметенных артиллерийским огнем. Русские с криком «ура» обрушились на врагов...

Первые отряды немецких войск опрокинуты, уничтожены, иные обратились в бегство. В атаках рубящие своей защиты австро-германцы в некоторых местах попытались оказать упорное сопротивление.

Владимирский пехотный полк завалел сильными укрепленными позициями в районе деревни Небор. Владимирцы неустанно отражали повторные атаки немцев, выгнавшие с вновь овладеть этой позицией. Подступая противника на близкое расстояние, русские бросали в упор косили немские ряды.

Будучи в боях, сражался мужественно, с безудельной храбростью. Солдаты показывали образцы героизма. Рядовой Глаубов один расправился с немецким пулеметчиком и большой группой немецких солдат. Рядовой Ожигин воевал в окопе противника и, действуя смело и решительно, уничтожил нескольких врагов.

Пехота все смела на своем пути. Врага уничтожали штыком, гранатой...

Австрийцы, германцы, подавленные и растерянные, тысячами сдавались в плен. К полудню 24 ноября было взято 900 пленных французские, свыше 40 тысяч солдат, 77 орудий, 134 пулемета и 49 бомбометов; к 27 мая — 1240 офицеров, свыше 71 тысяч солдат, двадцать орудий, 187 пулеметов, 53 бомбомета и миномета и громадное количество всякой другой военной добычи.

К 10 июня было уже взято в плен 4013 офицеров, 200 тысяч солдат и великое множество другой добычи.

Аврия Брусиллова победоносно двинулась вперед неприятельской страны. Австро-Венгрия, потрясенная мощным ударом, зашаталась.

Этот прорыв мог стать гибельным для Австрии и Германии.

Но Брусиллова не поддержали командующие другими фронтами. Ни Куропаткин, ни Эверт не выполняли своих обязанностей, не совершили наступления против немецких позиций.

Брусиллов был предоставлен самому себе. Все же брусилловское наступление имело огромное значение. Немцы вынуждены были оставить пересборку своих войск восточных позиций на русской фронту. Этим была спасена от разгрома Франция.

Русские войска одержали блестящую победу на австро-германцах. За первые же дни наступления русская армия захватила огромные трофеи. Австро-германцы потеряли 1½ миллиона человек убитыми, ранеными и пленными, 580 орудий, 1800 пулеметов, 450 бомбометов и минометов и огромное количество другого оружия.

Вдвинутая Брусилловым форма прорыва укрепленных позиций стала этапом в истории развития военного искусства.

Брусиллов, гордо любивший свою родину, последние годы своей жизни отдав строительству Красной Армии.

Два фронта

В первый день войны я пережил большое огорчение: меня не взяли добровольцем на фронт. Быть военным — моя давнишняя мечта, и вот так отвлеченно перенесла свой гудекальн, смертоносный груз дальше, в глубь позиций. Отца отругали, а мать горько прошептала: «Подождите».

Хотя мне всего семидесять лет, мечтаю я о военной службе с детства, детства. Отца мой был хорошим воком, только я его плохо помню. Он все болел. Он был отравлен газом в империалистическую войну и умер, когда я была еще маленькой. Мать была тоже хорошей боевой. Для того недавно ввела с белофиннами. В долгие деревенские зимние вечера я слушала его рассказы о хитрых и жестоких противниках и воступала, как воевавшая женщина и кричала ненависть к врагам социализма, ко всем, кто хочет разрушить мою счастье и свободу родину.

В первую минуту, когда я поняла, что придется оставаться в Москве, мне стало так-то почти до слез. Я вышел из зонкомета. На всех площадях, во всех угол неслись звуки военных маршей, зашурели мне посылались люди в военной форме, и каждый был близким и дорогим, как родной брат, и я то же время заставляла отвлечь и глубже чувствовать свою обиду. Сколько painfully проносилось в моей голове эти минуты! Бегать на вокзал, пристроиться к какому-нибудь железнодорожному проводнику, а потом прямо врать к зониску царю. Но я очень хорошо знаю, что наша армия замечательно организована и не нуждается в небесующий мальчишка.

Приходило мне в голову поставить сторожем на аэродром, учиться и помогать героическому, но тут же я сознавала все ребячество таких мыслей.

Около вокзала я увидела большую толпу. Прошались новобранцы с женами и детьми. Я спустилась вниз, чтобы смешаться с людьми, хотя на минуту почувствовать себя отъезжающей.

Гул стоял на площадях. Красноармейцы шли, смеялись, шутили, некоторые женщины плакали. Рядом со мной женщина с длинными черными косами обнимала мужа и говорила: «Безжал спокойно. Завтра же идешь на завод и поступаешь на твою место. И об Нушине не беспокойся».

Я раскресла. Мне стало стыдно, что я так печелась. Я вспоминаю слова товарища Молотова о самоотверженной работе в тылу. Ведь сейчас у нас два фронта. Одни — на линии огня, другой — на производственном фронте.

В Москве у меня есть серьезное и нужное дело. Я работаю в типографии. Год назад, окончив семилетку, я вместе с тринадцатилетним братишкой приехал в Москву искать работу. Мне удалось поступить в типографию «Красное знамя» сначала помощником рабочим, а потом в обкладочный цех. Вначале меня одобряло только то, что и человек самостоятельного характера, и человек, и даже одобряло братишку, но постепенно меня заинтересовала и самая работа. Сделать свое дело как можно лучше, чище и быстрее — это очень удовлетворяющая задача. Вспомню и сейчас, как в период в типографии на меня не обижались. Почему же я сейчас забыла о своей работе?

Жена красноармейца пристыдила меня. Я впервые задумалась о том, что делаю. Мне, типографшице, помогало книгам появиться на свет. В книгах рассказана вся правда о зверях-фашистах, вся правда о нашей стране — родине коммунизма. Книги воспитывали меня, помогали бороться с врагом к родине. Они учат людей бороться за страну социализма. Стране нужна моя работа.

На другой день я пошел в типографию и сказал, что буду работать две смены, буду работать в выходные дни. Буду находиться в цеху столько, сколько понадобится.

Теперь я занят делами днями. В свободное от работы время рою во дворах траншеи, охраняю здание типографии, использую разные подручные средства, чтобы вывезти мусор, а также болрое настроение, что, кажется, горы могут свернуть.

Юрий СЕЛОВ

ЧАС НАСТАЛ

Большой кинорежиссер Чарли Чаплин в своем последнем фильме изображает Гитлера: диктатор Германии показан зловещим маньяком, злым сумасшедшим. Недавно в Лондоне демонстрировал эту картину. Французский диктатор на экране был смелым. В действительности он смелым и ужасом: этот человек, одержимый манией величия, лишенный простых радостей жизни, решил вернутся исторически, он отобрал народ Германии в историческую ношу.

На нас идет орда современных дикарей. Я помню, как одна немка мне рассказывала: «Моего мужа язили в концлагере Дессау до смерти. А мне сказали — принесите белье. Они заботятся о гигиене». В Париже они навели «спорядок». Транспортом там заменили человеческой тьмой: возле вокзалов стоят французы с ручными тележками. Фашистские полицейские выстраивают ряды, как автоматы. При мне один безработный на шаг вышел из ряда. К нему подошел фашист и ударил его револьвером по голове. Француз упал, фашист не моргнул: он был горд своей силой. Объясните ему, что во Франции была своя культура, что дело не в том, как выстроить ряды, а в том, почему французы под фашистской оккупацией стали рисками. — Он не поводит. Он гордится тем, что он не думает. Его дело — быть по голове.

Как только эти дикари ворвались в Париж, они составили «список Отто» — список французских книг, подлежащих уничтожению. В нем были французские и переводные романы, классика, стихи... Они придумали загадочные бомбы. Я видел работу этих бомб. В Туре они сожгли библиотеку с рукописями Балзакса. Сожгли древний Руан с его музеями и замечательными памятниками старины. Жалие варвары!

Я видел, как они обобрали Францию: пришли туда тощими и жилиры у нас на глазах. Когда они входили в Париж, они не разодались — не до этого было — или и они, они, они. Непечатали фальшивые деньги — «коммунистическая» марка, которые не имеют хождения в Германии, раздали их своим солдатам и все «скупали» в две недели. Денюшки кадымались: таскали ящики, судящую, куда всеобщего добра, награбленного офицера. Богатая Франция превратилась в пустыню.

Я проехал по Бельгии, по Голландии — то же артефакт: развалины и голодные, бездомные люди.

Здесь прошли кошачьи. Их экономика проста: они отбирают все молоко — тогда крестьяне порабощенных стран убивают скот; они реквизируют все яйца — крестьяне уничтожают кур; они забирают весь хлеб — и крестьяне больше не сеют.

Они вывозят оборудование заводов и дверные ручки, музейные картины и дамские чулки. Я видел поезда с их «трофеями»; они шли из Парижа в Берлин. Они были найдены крестьянскими чулками добром.

Фашистские разбойники не только грабят: они мушкетеры, убивают. Это язи орда. Они знают, как унизить человека. Великая радость — родной язык, язык, на котором человек впервые услышал слова ласки, язык матери. Фашисты преследуют язык порабощенных народов. Они заменяют старые имена немецкими. В варяжских театрах они выпускают немецких актеров.

В голландских школах они учат детей по-немецки, голландский язык по их мнению — «мерзость». Недавно восстали две тысячи чешских учителей отправленных на польские работы: даем учить детей иностранному чешскому языку? Пусть лучше кошат землю: побиелта любит картошку...

Они оскорбляют туво, по-фашистски: «Вот тебе мой сапог!» Французы они называют «невроподобными». В Варшаве они устроили кино, куда дула толпы полякам запрещен — видите ли, убиены не нравятся зрелища подковы... Они снеси памятник Адаму Мицкевичу.

В одном из норвежских городов они переименовали улицу Нансена в улицу Геринга.

Они превратили миллионы людей в рабов. В Голландии введена смертная казнь за отказ работать на немцев. Голландцев и бельгийцев насильно посылают в Германию на тяжелые работы. Как арестанты, работают два миллиона французов — это «военнопленные». О поляках Гитбельс с презрением сказал: «Чересчур плохонятая раса! Если убить сто тысяч, ничего не изменится...»

Они убивают методично, аккуратно, изо дня в день. Бельгийцев юнкору Лефера и леуку Туни — казнить: они притали подозрительных людей. Вот француз Дюкал — казнить: он слушал английское радио. Вот поляк Стрелвский — казнить: он не уступил дороги господу обер-лейтенанту. Они неустоят в Бергене и в Белграде — от моря до моря.

В шведской газете замечательна корреспонденция из Гамби. Это скромный, сухой рассказ. Гестапо в Гамби помещается на Герингштрассе. Фашисты жалуются — они потеряли сон. В гестапо приволят поляков, арестованных лишь за то, что они говорили по-польски. Поляков пытаются научить, цинкиловано. И нецивилизованные поляки кричат. А это мешает фашистским чиновникам наслаждаться покоем.

На дальнем севере, на Лифотенских островах, фашисты пытали шестьдесят восемь рыбаков — хотели узнать, кто помогал англичанам во время десанта. Я был на Лифотенских островах. Там живут сильные, отважные люди. Они привыкли к штормам, к ослепу, к смерти. Но никак да перекоди они не имели дел с фашистами. Из шестидесяти восьми двадцать девять скончались от какой-то таинственной инфекции.

Миллионы разномыслящих людей, поведенческих фашистами до отчаяния, с ненавистью смотрят на палачей. Начинается борьба в фашистском тылу. Еще спокойно на улицах Парижа, до победителю наступили. Они боятся заходить в рабочие кварталы. Они сидят в дорогих кафе и допивают последние бутылки шампанского под охраной часовых. Оливидного кобеля адриатические студенты доносили с третьего этажа фашистского офицера, который оскорбил французов. Это было сигналом. С той поры армия от времени офицера и солдаты германской армии исчезают. Полюше немецкие газеты каждый день пишут о «бандитизме».

В Роттердаме немцы извлекли дубинками детей, которые несли цветы на могилы жертв пролигандских бомбардировок. В Морозской Острове фашисты поругали братую леу даушке — у не нашли леуцу с национальными чешскими цветами. Мне тяжело вспомнить об этих низких делах.

Фашисты до сих пор имеют дело с беззастыдными жертвами. У голландцев, норвежцев, датчан не было армии. Во главе Франции стояли французские фашисты: они встретили своих единомышленников не боями, но центами. Французский народ предал их ему не дали возможность оборониться, а там где небольшие отряды оказывали сопротивление, фашисты растерянно останавливались. Так, городок Сомир на Луаре зашинали двести курянок против воли командованных и двести подростков сорок восемь часов отбивали атаки германской дивизии.

Они, может быть, думали, что советский народ испугается? Может быть, они думали, что заступит нашу страну враждок, как они заслали враждок Югославии, во главе которой почти до ровного дня стояли фашистские лакеи? Они горды «походом» на Югославию. Они не говорят о том, что югославов не было противоязвенных агентов, что отряды там тапили воли. Они упоены «звездем Парижа». Они молчат о том, что Париж был им сдан генералом Денем...

Я не забуду того дня, когда услышал на улицах свободобольного Парижа тонот фашистской орды. Зимняя почта мне мерцелила в Лондон — его древности и дома терзали бомбы фашистов. Потому, как легендарный шипец Яйло, в верховой борьбе истекл кровью югославского народа. Тысячи дней...

Мы не хотим для себя нужных земель, мы сражаемся за нашу землю, за нашу свободу, и зрелище нашего мужества являют надеждой сердца порабощенных Гитлером людей.

Группа польских граждан, расстрелянных фашистскими шверами. Тех, кто роет яму, ожидает та же трагическая участь; они готовят себе могилы.

НАШИ СЕСТРЫ

Первые недели войны.

Телефон звонит безостановочно. Девьян на минуту не заскрывается. В небольшой уездной комиссии собралась женщина. Их много, и все они раньше по виду своему, и по возрасту, и по манере держаться. Способ слезливого гул голосов изредка прорывается напряженным, зловещим словом. Это — обязательно или настоятельное утверждение или не менее настоятельное доказательство своих прав:

— Да помните же, что ужо кого-кого, а меня-то вы должны принять!..

За столами тоже сидят женщины. Они выходят отсюда только azért, чтобы наскоро перекусить или так же наскоро отдохнуть, поспать.

Сосем недавно работа в райкоме РОКК (Российского общества Красного креста и Красного полумесяца) была сложной. В маленьком комитете приходили посетители, разговоры шли тихие, ровные.

Все переключилось 22 июня, после полудня. Едва отзвучали в радиоуторах последние слова выступления товарища Молотова, едва прокатилась по стране весть о великой Отечественной войне, на которую возмался советский народ, в райкоме РОКК все пришло в движение.

Первыми прибегали командиры районных санитарных дружин. Они являлись на свои посты, готовые немедленно, без минуты отсрочки, приниматься за любое дело, полное страстного интереса применить на практике полученные ими знания. Загнем воткнулась женщина, жаждущая помощи, действовать, быть полезными армии, стране, народу.

— Я могу быть сестрой, санитаркой, сиделкой, возьмите меня! — говорила каждая из прибывших.

На столах росли груды заявлений, и в каждом из этих заявлений высказывалось желание идти в самое опасное место, обязательно на фронт, обязательно в ряды действующей армии.

Заявления писали домохозяйки, служанки, работницы, студенты, актрисы, матери семейств и юные школьницы.

Комсомолка Катюша Лебелова, 23-летняя работница, чей муж и два брата уже находятся в действующих частях Красной Армии, пишет:

«Теоретические знания имею только в объеме норм ГО, но практические — куда шире: в 1939 году я работала в госпитале. Можно ли меня, имеющую такой опыт, оставить дома?»

Комсомолка Валентина Соколова начинает свое заявление с бесхитроумного рассказа о себе.

«Моя семья», — пишет она, — состоит из пяти человек: мать, муж, ребенка 5 лет, матери и двух братьев. Один из братьев — летчик, другой — старший лейтенант, муж на Дальнем Востоке. Я не могу отстать от мужа и братьев и unbedingt прошу вас зачислить меня на курсы медсестер. Образование у меня семилетнее, прежде работала статистиком, теперь просто домохозяйка. Но я физкультурница, хозяйствен, участвую в лыжном кроссе, не раз была в степях командные первенства. Как видите, я сильная, здоровая, ловкая, и я горю желанием отдать все свои силы, а если понадобится, то и жизни на благо нашей дорогой страны!»

Положительные замечания выражают свою глубокую ненависть к вождю и коварному врагу, нарушившему прекращенную трудовую жизнь советских людей.

«Узнав о вторжении германских фашистов», — пишет в первом листе войны комсомолка Евгения Буржу, — я хочу помочь, чем могу, бойцам доблестной Красной Армии.

Прошу направить меня в лазарет в части действующей армии, буду выполнять любую, самую трудную, самую черную работу и работать до смерти. А если будет надо, то и с винтовкой в руках пойду громить презренных фашистских гадов».

Около двухсот подобных заявлений было принесено в Комитетского райком РОКК в течение два дня войны. Написанные торжественной рукой на листках из ученических тетрадей, на случайных обрывках бумаг, они являли любое обдуманное рассказе отражали высочайшее патристическое чувства советских женщин и девушек.

А надо было выдти в эти дни уже обученных в школах райкома медицинских сестер, тех, кто, приобрета вместе с дипломом военное звание и военный билет и находясь на учете в военкомате, как медсестры запасных, получали назначение в часть! Торжественные, возбудительные, они обязательно забегали в свой райком к инспектору Кочетковой, к председателю Савицкой. Как же ухитрились, не протестуя с тем, благодаря которым они стали столь реально нужны своей родине!

— Вот они уже едут, а мы учились, учились и все тут торчу! — обижено восклицала высокая худощавая девушка в беретовом, непрозрачном костюме дружинницы.

— Поедешь, Левина, поедешь! — ласково утешает дружинницу Кочеткова.

Аня Лениной всего 17 лет. Лишь месяц назад она кончила десятлетку, а уже вместе с командой районной санитарной дружинницы.

Это она в памятный полдень 22 июня первой прибегала на свой пост в райком РОКК, за пятнадцать минут до полудня сошла заявка дружинницы, расставила их на посты, составила заявление на назначение, наметила план дальнейшей работы и теперь поглощена только одной мыслью:

«Скорее бы приниматься за настоящее, большое дело».

Знаю, когда комсомольцы школы, где училась Аня, выносили решение об обязательности для каждого члена ВЛКСМ оборонной профессии, Левина решила стать стрелком, да не просто стрелком, а обязательно снайпером.

Но вышло так, что ее не взяли в стрелковую дружинку и, огорченная в душе, девушка все-таки принялась добросовестно обучаться навыкам первой медицинской помощи, навыкам, при которых каждая дружинница может оказать поспешную помощь.

— Теперь я очень довольна, — пишет Аня Лениной, — ликует Аня Лениной. — Со своей стрелковой сиванностью я бы сидела дома, а с военно-санитарной могу принести реальную пользу! * * *

Медсестер запаса из школы Московского архитектурного института уездного знают Комитетского районского райкома Москвы. Школа эта создана и существует при кафедре военного дела: знания ее идут по строгому расписанию, а программа

включена в академический минимум институтских занятий и считается для будущих женщин-архитекторов столь же обязательным предметом, как сопротивление материалов или любая иная «чисто архитектурная дисциплина».

Подавляющая часть теоретических занятий, у будущих сестер осталась время и на развлечения и на чтение. Потом началось практика. Девушки после лекций по основным предметам своего Института, едва перекусив, бегали на дежурства в больницы и поликлиники.

Подавляющее большинство курсанток первого выпуска окончило школу крепкими отличницами. Одна из выпускниц, Аня Васильева, после экзамена созвала своих товарищ:

— Загряг, девушки, в военкомат: старайтесь на учет, заполнять документы.

Военные билеты и дипломы об окончании школы первому выпуску медсестер запаса, окончивших школу в своем Институте, вручили на персональном вечере. Сестры пели. Девя Чернова, политрук Фаия Занс, обе мамы, худенькие, с сияющими от счастья глазами, стояли вперед. Четко, по-военному девушки подходили к замученному военной кафедрой капитану Васильевскому, чтобы из его рук принять военный билет со знанием комсомола младшего начества. Маленькую, скромную мальчишку брали в руки бережно, как хрупкую драгоценность.

— Теперь мы знаем, что вместе с вами, товарищи, будем до последней капли крови защищать нашу родину! — взволнованно крикнула в пригласительный зал, где собрался студенческий ас Института, политруку Фаия Занс.

Отвечом был взрыв горячих, восторженных аплодисментов, а кроме всех хлопали студентки-второкурсницы, составлявшие новое пополнение школы медсестер.

Полдень 22 июня 1941 года каждая из будущих сестер и каждая из уже окончивших институтскую школу проводила в школу. Но запомнил этот первый военный полдень всем одинаково.

К 9 часам утра 23 июня 1941 года аудитория Института была переполнена студентами и студентками. Возбужденные, нетерпеливые, они собрались сюда в канцелярский перу, чтобы услышать, чтобы сообща решить, как

Эти девушки хотят оказывать нашим доблестным воинам медицинскую помощь. Сейчас они усердно занимаются на курсах медсестер. На с. ниже: жосковские школьницы Т. Рагозина, Т. Ангорская, М. Барыкина.

В ТЫЛУ У ВРАГА

Эпизоды из героического прошлого

Видорье, болтуше окантисе болесным фройту.

— Ну как? — то и дело разлапались вопросы, обращенные друг к другу, к преподавателям.

Медсестры запаса — из этого, первого выпуска школы — держались дружной группой:

— Зинаиш, Фая Заис, Лея Чернова, Леда Бухман уже получают повестки Едут!

— Составлялись А я сложила котомку, пошла в военкомат, сказали: «Ждите, вызовем!»

— И мне.

— И мне тоже.

Вторкурсницы с островом занятию присушивались к этим разговору. Конечно, немаловажно обидно, что такие же, как они сами, рядовые молодые студентки уже призваны, уже по-настоящему нужны стране!

А девушки желая ускорить наш выпуск? — последила она в их разговор.

Кому первому принадлежала эта прекрасная идея, установить театр совершенно невозможно. Но факты таковы, что к 11 часам утра 23 июня уже были решены и разработаны мероприятия, направленные на осуществление цели: через месяц всем студенткам второго курса, занимающимся в институтской школе медсестер, закончить курс обучения, сдать госэкзамены, стать на учет в военкоматы и выехать на фронт.

Для этого требовалось многое. Во-первых, девушки единогласно заявили о своем желании брать канцелярию и заниматься по 8—10 часов в день. Во-вторых, нужно было раздобыть базу для внеурочной практики. Организационных дел в преддверии очно много. И все-таки уже в 11 утра того же, 23 июня 1941 года агитпропаганцы Архитектурного института — все члены коллектива — собрались в полном составе — уехали за парты, чтобы слушать очередную лекцию замечательного педагога доктора Якоба по новому, военному расписанию.

Сейчас девушки занимаются с необыкновенным подъемом и усердием. Энергия их, выносливость, работоспособность, кажется, не иссякает. После 8 часов лекционного занятия девушки не расходятся. Мысль работает только в одном направлении: за месяц пройти полугодовой курс, сдать экзамены и сдать практику оперативно.

Конечно, самое главное — практика. Можно вынуть выкурить любую главу из учебника, можно в совершенстве усвоить латинскую терминологию, но если у тебя нет спорных переживаний, если ты не умеешь приводить равного, положить его на носилки, сделать укол, ты никакая не сестра, особенно в военных условиях. Первый выпуск школы имел достаточно времени для практики, у второго — нет этих возможностей. И потому девушки жадно хватаются за каждый случай, позволяющий им на деле применить свои знания.

...От мобилизованных и уже уехавших идут письма. Письма должны приходить регулярно. За время учебы в школе медсестер сдружились, сблизились, необыкновенно. Страстно мечтают, чтобы по окончании хотя бы небольшими группами, человек по три-четыре, идти работать вместе в один госпиталь, в одну часть. Впрочем, это уже последние заботы: лишь бы, наконец, стать полевыми, лишь бы начать действовать.

— Еще месяц — вылезает сто-то.

— А каково там? И знание имеем и на учете, а учу целую декаду дней назначения, — не выдерживает Аня Васильева.

— Да будет, будет назначен, — успокаивает свою помощницу доктор Якоб, — разве мало вы работаете здесь?

Нет, она работает немало. Она работает на учете. Но ее котомка уже собрана, в этой котомке уже сложено все необходимое. Фая Заис, Леда Бухман, Лея Чернова да многие другие уже уехали, и она, Аня Васильева, медицинская сестра запаса, тоже призвана и тоже хочет ехать.

В добрый путь, девушки! Страна зовет вас на великое патристическое дело. Помните, что амет со всем советским народом вы кутете желанную победу!

В добрый путь!

Цианат копытами немецкие конные патрули. Угнетение, несвободные часы. 1918 год. Украина стонет под пятой оккупатора.

Всперный свободный город — ныне колония, место, созданное, по мнению захватчиков, специально для того, чтобы грабить его и угнетать. По улицам теперь ходит не граждан, но ступенные ангелы германской колонии. Стиснувшись узко, читают они приказы, отменяющие все права, давшие зароду советской власти, приказы о том, что за каждого убитого или раненого немецкого солдата будет расстреляно 10 русских.

Разъезжают немецкие патрули. Стоят немские часовые. И все-таки — слава ли не ежедневно — рядом со зловинистыми приказами власти доживают небольшие квадратки серой бумаги. Крупные буквы, набранные напек, складываются в волнующие сердце страстные слова. Уже за одно из них, за каждое из них, грозит расстрел!

Прожойки устанавливаются. С третью выключе он в это слово. Озираясь, читает дальше. Значит, горд не мертв. Где-то в глубине тьмы, неслышно идет напряженная деятельность. И если эту бумажку сорвут со стены, на месте ее в следующую же ночь появится другая.

Техника расклевки прокламаций не сложна. Избито обычно вздохом один несет листовки, обманутые клевет, другой — бутылку с водой. Несомненно брызг, беготне движение рукой бумажка приплыва к стене. Техника прокламации по своему умению сложна, требуется, чтобы уберечь от любовных влядов, чтобы в случае необходимости выйти из положения, незаметно обойти опасный район, придумать правдоподобное объяснение, обмануть врага.

Не только смелостью и способностью жертвовать собой должны обладать подпольщики — прежде всего, это должен человек, который должен быть находчив и ловок; ему нужно почас иметь и актерское дарование.

Немало их оставалось в городах, занятых немцами. Семейные женщины и девушки, преданные делу революции, они отчаянно выполняли поручения подпольного резкома, печатали большевистскую литературу, распространяли ее, добавляли оружие. Связь между ними была исключительно сложной. При этом были явны лишь немужские. Цель подпольной работы складывалась из многих звеньев, и строить ее нужно было так, чтобы звеном одного звена не клевет за собой общей катастрофы.

Листовки печатали в подпольных типографиях — так было, например, в Одессе, — и с помощью своих наборщиков, ухитрившихся избежать внимания гонимой полиции, подпольного хозяина.

Листовки не только расклеивали: их разбрасывали до улиц, в клубах, в немецких казармах. Головоны «голубем» бумажки неслись с ветрами газетной типографии. Как-то в одном из клубов Севастополя внезапно погас свет и на собравшуюся публику хлынул дождь листовок.

В Екатеринославе в ясный, солнечный день к немецким солдатам, марширующим на площади, подошел паренек. Он роздал всем театральные афишки. На обратной стороне афиш было написано: «С товарищи, немецкие солдаты, вы обманываете офицеры. Они напускают вас на таких же рабочих, как и вы сами. Оберните свои штаны против них!»

В парижском госпитале, но он исчерп.

Подпольные молодежные организации существовали почти во всех городах Украины. Необычайной смелостью и инициативностью отличалась кишиневская и одесская молодежь.

В Одессе молодые подпольщики организовались на три группы. В одну из них входили люди, хорошо знавшие немецкий язык; они агитиро-

вали среди германских солдат. Шестню командой заглаживало огнем казармы колонией провозочкой большевистской литературы, проходила к солдатам иными путями. Агитировали также и устно. При случае заговаривали с немецкими солдатами, разговаривали гниущую их в захвате Украины.

Вторая группа кишиневской молодежи переводила литературу на подпольной типографии. Третья — недала делами Красного креста, ивращало в те годы значительную роль: члены этой группы связывались с заключенными, помогали устранять побег.

«Не сдаться до последней секунды!» — такой был извещенный девиз каждой подпольщины. И арестованные, даже приговоренные к казни, имели основание надеяться, что в последнюю минуту их отбоят, их спасут свои.

Так была освобождена из тюрьмы смелая девушка Жени Файнгор. Ее после побега прятал у себя в квартире писатель В. Г. Короленко. Так были спасены многие другие, показавшие образцы высокого человеческого мужества перед лицом истекателей.

Много прекрасных страниц вписали эти годы в историю подпольной славы советской молодежи. Люди не теряли твердости, зная, что близка победа над чудовищными захватчиками. Жизнь своей не щадили они для этой победы.

Собрали оружие. Хранили его на тайных складах, готовые вооружиться в любую минуту. Организовывали боевые дружины, великие подпольную работу в тылу. В одесской дружине к моменту восстания было около 300 человек. Когда красные партизаны стали выходить вокруг Одессы, готовились к наступлению, молодежной боевой дружиной было исполнить телеграфную и телефонную связь. Поручение было выполнено блестяще. Эти же дружины организовали железнодорожный нвзвод на станции Одесса-Малая.

Сотнями шла молодежь в партизаны.

Партизанские отряды на кишиневских заводах напольному состояли из молодых. В Харькове к моменту восстания молодежный отряд получил приказание прорваться через мост и зайти в тыл врагу. На мосту находились пулеметы. Снять его предлагали семнадцатилетнему Саломею. Он незаметно подкрался и первым выстрелом убил пулеметчика.

Харьбо сражалась с немцами молодежь Доббаса. Команда бронезода «Гроза контрреволюции» почти все состояла из молодых людей. Этот бронезод героически дрался с немцами под Екатеринославом и Харьковом.

Много имен, пролывленных в те дни, известно нам. Но еще больше было безымянных героев.

Один из бывших партизан вспоминает: «В помещенный evening насло 120 немцев пулеметами. 5 дней боролся с ними отряд красных партизан в 30 человек. Выжить немцам извменя было великим делом. Назло было предпринять что-нибудь решительное. Вечером партизаны пришли вое кишиневской дождю 15—16 лет. Они сказали: «Дом, где засели немцы, деревянный. Мы его подожжем. Мы дали им пакли, пропитанной мазутом. Мы Юлину поймаем, а немцев выгоним из дома и загляди его. Всех немцев мы взяли в плен. Юлины ушли, не назвав себя...»

Мы не знаем имен этих юношей. Мы не знаем имен их. Но бесстрашия в веках героическое мужество и чужеземной вражде и обязательные образы отважных борцов с иноземными варварами, их подвиги, их победы с особой яркостью встают перед нами сейчас в дни борьбы за свободу и отечественной войны, которую ведет наш народ за свободу, за честь своей страны.

ПОД САПОГОМ ФАШИЗМА

Семьдесят сербских школьников, расстрелянных вместе со своим учителем. Шестьдесят тысяч молодых хорватов, работавших в тяжелых условиях немецких заводов. Польская девушка, отданная в публичный дом. Бельгийские студенты, арестованные за то, что не хотели слушать тупую браваду профессора из Мюнхена...

Все это люди различных стран, разных культур, языков, знаний и вкусов.

Все это люди одного края, единого опустошенного края тосяк и горы. Край, по которому врывают фашизм.

Фашисты не очень-то разбираются в особенностях.

Рассудочный Стендаль — он мечтал найти своего читателя через сто лет! — и планетарный романтик Гюго, материалистичнейший из романтиков Гейне и философ-теологизм Канта, известный скептик Анатоль Франс и наши страстные правдолюбцы, наш Толстой, наш Достоевский — все они, знавшие друг друга и не знавшие, читали друг друга и не любившие, все смешались в едином костре, в одном всепожирающем варварском пламени.

База фашистских вооружений.
Рисунок В. Вильмова.

Не очень-то разбираются фашисты в оттенках того, что уничтожают, но бесконечно они перебарывают на самое драгоценное из созданного человечеством, на самое живое — человеческую мысль, человеческое сердце, человеческое творчество.

Смерть всему живому несет фашизм. Там, где посягает это чудовище, под такими топотом, под мертвым дыканием, под грохотом орудий замирает живое дело, останавливается бытие жизни.

Чехо-Словакия, Польша, Бельгия, Норвегия, Греция... Цепенея под неподвижным взглядом чудовища, лежат оголенные доли. Пусты и заброшены дома: отцы утвари на работу в Германию, дети от матери за три гинт свлагу в трудовых лагерях, матери, прижимая к груди исхудалых мальчишек, вынужденных по дорогам. Закрыты школы, в классах вместо свежих детских голосов глухой стук солдатских сапог и бряканье орудия, университетские — те, которые еще сохранились, — стали средневековыми крепостями тонкой решетки.

Самое живое на земле — молодость. Гитлер ненавидит молодость. В странах, пораженных немецкими варварами, душевное всего, тяжелее всего молодежи.

Его они, юные и девушки Югославия.

Еще недавно они работали, учились, говорили на своих родных языках. Сейчас жизнь замерла. Студенты, осмелевшие протестовать, погнаны на принудительные работы в Германию. На немецких заводах в немалых условиях трудятся молодые хорватские рабочие. Немно-

гим лучше и тем, кто остался на родине. С каждым днем растет доверие к безобразию, к национальной розни между сербами и хорватами, уже создан хорватский «красный институт» — единственный в своем роде учебно-исследовательский фашистский институт, где вырабатывается бравадная теория превосходства одного народа над другим...

В Загреб на трамваях уже появились надписи: «Вход сербам, евреям и цыганам воспрещен».

Разобщить, разъединить, натравить друг на друга — вот стремление современных варваров. Они туманят сознание молодых хорватов словами об их «единности», они пытаются отравить мозг молодых болгар немелкими бреднями об их «расовом превосходстве» над сербами и греками. И это отнюдь не мешает немцам ободолеть и грабить страну этого «высшего» народа. За последние месяцы немцами владычества Болгария обнищала, изменилась до неузнаваемости.

Тяжело живется полякам. Во что превратилась их родина? Города, обращенные в равнины, сожженные деревни. Не так давно захвачены сожгли 14 польских деревень и расстреляли 1200 крестьян, включая и десятки летних мальчишек. Они нискогда не нашли детей: обворованные, голодные, иные ребята, без приюта блуждающие по стране, — такой же неотъемлемый признак власти фашистов, как свастика и плетка.

Впрочем, иногда они «забываются» о малолетках. В Испании, например, введены «огульные трибуналы». «Онекуны» направляются в «исправительные дома» — нечто среднее между тюрьмой и трудовым лагерем.

Если испанский юноша или девушка не сидит в тюрьме — а по самому мягкому подсчету, подсчету Ватсона, в Испании более миллиона заключенных, — обворован, избит, унижен. Испанский «закон об уничтожении» не допускает к квалифицированной работе юной молодежи 20 лет без аттестата профессиональной школы. Невозможны никакие занятия для тех, кто не имеет в том случае, если нет безработных взрослых. Иными словами, никакого.

Мудрое постановление! Постановление, достойное парламента, выдавшее закон об юридической ответственности, распространяющийся на все население, начиная с четырнадцатилетних детей. Закон этот преследует всех, кто способствовал своим действиями или бездействием к укрыванию и образованию красного бунта, поддерживая его живым в течение более двух лет...

А бунт все-таки «поддерживается живыми» и в Испании и в других странах. В нем участвуют не только взрослые, но все молчаливые сердца, не желающие, не могущие подчиниться тязкому плену.

Тяжело пытаются немцы вербовать хорватскую молодежь в «военную гвардию» на безработных партизанцев Югославия. Партизанские отряды появляются всюду: в горах, в деревнях, в самом Белграде. «Фельшпигель» вынужден был сообщить, что в городе Йозефштадте гитлеровцы обстреляли немецких солдат и начали дикий уличный бой». В Смедереве партизаны подожгли пороховой погреб крепости, где было расквартированы две тысячи немецких солдат. Угнетенный был партизан с немцами в деревне Мутных длился 18 часов.

Смелую борьбу ведут поляки. Они борются с оккупационными орудиями. Каждый день, в любое время дня, каждый немецко-польский ополченец убивает немца. Не ослеперил крупный партизанский отряд. Действовали партизаны и в других местах.

Протест полчасе принимает новые формы. Саботаж польские рабочие на военных заводах: они стараются работать как можно медленнее, портят и ломают станки. Польские крестьяне, не желая отдавать хлеб победителю, скрывают его на полях.

Народная ненависть проявляется то тут, то там, как языки пламени. В Кутно неизвест-

ные подполковники германского командата города... Инженер-изобретатель, выдавший немцам секретные информации, был расстрелян. За это справедливое возмездие триста польских рабочих брошено в тюрьму и шестьдесят расстреляно в тюрьме.

Но прериссия бессильна. Несмотря ни на что в Польше выходит и распространяется 20 нелегальных газет. И хотя слушание многостраничных передовых смердит всех, все равно слушают и о них рассказывают друг другу...

В ответ на репресс, мракобесие, озверение, которые несет фашизм, немощи на первую его стадию, переживает человечество духом, что есть в человеке, — гордость, бесстрашие, готовность жертвовать собой.

Растет гнев народный. Он дышит бельгийской женщиной, требующей своим делом, наступающей угловым Боринажа, потомки свободолюбивого Тила Уиндшителя — рабочая Франция.

Гнев наполняет сердца юношей и девушек, демократично покаяющихся за кино, когда там показывали фашистские агитационные фильмы. Гнев владеет студентами, уходящими с лекций фашистских профессоров. Гнев дышит поведением бельгийских юношей, не желающих идти в немецкий трудовой лагерь, носивший такое «заманчивое» название, как «Радостный».

И взоры всех этих людей, все надежды тех, кто томится сейчас в тюрьмах, кто голодает, кому запрещено говорить на родном языке, все помысли их обращения сейчас к нам. В день, когда кровавый Гитлер еще не покинул мир, свое возмездие, в Советский Союз с разных точек земного шара полетели приветственные телеграммы. К нам образовались конференции молодежи. Любопытно собраться в последние дни 4 тысяч организаций. Нам слали, нам шлют восторженные приветия рабочие далекой Кубы и рабочие Китая. На нас возлагает надежды все передовое человечество.

22 июня в Брюссель-Аэросе заглушена sireny, возвещающая о том, что произошло нечто чрезвычайное. Аргентинские рабочие мощной демонстрацией прошли по улицам, устремляясь в порт, где стоял немецкий крейсер «Тигр». Люди ждали руки советским морякам. Матери поднимали над толпой своих детей, чтобы они запомнили народом, прибывший из лучшей в мире страны.

Люди, приветствующие нас, знают, что из-за Гитлера Гитлер встретился с силой, которая его победит.

С нами помысли тех, кто не мог написать нам об этом, тем голос приглушен, чьи роины на раздала. С нами помысли тех, кто может быть, еще не осознавая до конца, ненавидит своих прангелов. С нами тайные помысли итальянских подростков, работающих на взрывчатке, с нами помысли рабочих пилаты, тайные стремления итальянских рабочих, ненавидящих войну насталою, что почталон, приходя, быстать сказать о мобилизации, стонущая в лежанке в его сумке; его возвращаются к нам.

Создается великий единый фронт свободолюбивых народов мира.

Товарищ Сталин сказал: «В этой освободительной войне мы не будем одиноковы. В этой великой войне мы будем вместе верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе и людей германского народа, поработанного гитлеровской рукой». Наша война за свободу нашего отечества сопряжена с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Германии.

К нашей стране устремлены надежды всего лучшего, всего живого, что есть на земле. Людей, которые знают, что путь, бесмысленную силу фашизма мы отведем силой единения и высокого человеческого самосознания.

Победа будет за нами! В это верят наш великий народ, наш союзный народ германский Сталин. В это верят все передовые люди мира. Фашизм будет уничтожен.

Ритмы с огнем

Ирина ИЗМАЙЛОВА

...Тихий летний вечер. Во дворе дома № 31 по Пятницкой улице отдыхает, сидя на скамеечке, несколько девушек. Двое мальчишек, весело хохоча, играют с ломящим щепком. Голубой вес сердито выкатывает и неуклюже из-закашивает на веселых ребят. Даже постовой у начнешего, сверкающего медью колокола невольно умиляется, глядя на ребячью забаву. Визажно резкий, сильный гудок нарушает тишину. Красный автомобиль с двумя военными стремительно въезжает во двор.

«Дежурный по городу Силкин», — узнает одного из пассажиров постовой.

Из машины выскакивает светлослободский подвыпной человек, вынимает из кармана секундомер и, показав на четырехзначную учебную башню «городка», восклицает:

— Огонь распространяется по чердаку жилого здания, смежного с этой учебной башней! Создается угроза перехода пламени во второй этаж!

Тревожный сигнал. Стоя на подножках машины, бойцы натягивают брезентовые куртки, на ходу застегивают пояса. Из гаража вылетает автоход. Не прошло и несколько секунд, как начарула принял решение, и бойцы уже действуют по его указанию. Уже гудит около «городка» автоматическая пожарная лестница, быстро поднимается по ней, устремляясь к окну башни, стеновой и двое бойцов. Отделение успело занять исходные позиции.

Первый ствол — в очаг пожара. Второй — тушит пламя в башне. Третий — направлен на защиту жилого дома.

— Верхняя часть башни готова обрушиться! — слышен голос дежурного по городу — Выход отсюда! Начарула, внимание! Боец Петров в башне почти в оборотном состоянии от сильной концентрации дыма!

Командир уже понял продолжение задания. Снизу видно, как быстро он выхватывает веревочное средство, прикрепляет веревку к своему карабину и спускает заблужденного бойца. Затем он сам ловко подвязывает петлю к подоконнику и спускается вниз. Все это заняло полминуты.

— Упала футасная бомба, повредила дорожку, разрушил рукав магистральной линии, — продолжает голос дежурного. — Сброшена химическая бомба. Осторожнее! Местность заражена газом.

И вот все бойцы работают уже в противопологах. Молодой паренек с двумя помощниками вводит новый рукав, исправляя повреждения, нанесенные бомбардировкой.

— Огонь! — кричит дежурный.

Команда собирается в дежурной комнате. Сброшены каски, куртки, карабины, и за столом спокойно беседуют люди, которые не-

сколько минут назад с такой находчивостью и оперативностью показывали свою боевую готовность. Это была проверка, обития тактическая задача. Секундомер поджидает тренировки команды. Выезд по тревоге — 20 секунд, построение — 10 секунд, выполнение операции — 15 минут. Немало поработали люди, добившись таких коротких сроков для выполнения боевых норм. Дежурный доволен. Он благодарит начальника команды Полякова, хвалит за четкость боевой выучки.

Красный автомобиль покидает двор. Темнеет. Силкин возвращается в Московское управление пожарной охраны. Он едет по темному, внешне допустимому городу. Столица в эти первые недели войны остается наделом в его памяти. События не застали людей врасплох. Гнев и сила сляпили советских граждан. В городе грозное спокойствие. Тщательно затемнены окна домов. С потушенными фонарями, бесшумно скатывают по городу автомобили.

Темные, невидные врагу поезда подходят к вокзалам. Энергия населения, разумность действий с каждым днем возрастают. Общий жизненный девиз — дисциплина, организованность, бдительность.

Штаб дежурного уже на месте. Предстоит ночная вахта. В городе пока спокойно. Лишь к двенадцати часам ночи рев сирен и рокот моторов в воздухе внезапно поднимают столбину. Пытается прорваться враг. Грохот разрывов сорисает почу. Из диспетчерской начинают поступать вызовы на тушение пожара. Силкин отдает ряд оперативных указаний по телефону и уезжает руководит одной из операций.

Перед отъездом он поручил оперативному сотруднику Потунину проверить, как работают добровольные пожарные звенья. Потунин привез хорошие новости. Он убедился, что добровольцы-пожарные действуют отважно и самоотверженно. Он позвонил с плотником И. Турусовым и жильцом одного из домов

Второй этаж в опасности! Начальник караула выслал бойца, чтобы оказать помощь людям, не успевшим выйти из дома.

Стеновые принялись за работу. Мощные струи воды атакуют очаг огня.

Слесарями, которые ликвидировали 17 зажигательных бомб. Два приятеля-старшеклассника Виктор Пономарев и Дунайкин сами справились с девятью зажигательными бомбами. Дунайкин осмотрел почти весь дом, сдвинул подоконники вверх, песок во всех подвалах.

Такое положение не выдержит! — Поступило сообщение, что фашисты бросили зажигательные бомбы на подоконники больницы. Заполыхал чердак, из него каргана дома показались сильные пламя.

Дежурному по городу сообщили, что дети в опасности. Услышав сигнал воздушной тревоги, врачи немедленно съезли со своих мест на носилках в убежище.

На пожар выехали работники пожарной команды. Надо было защитить соседний корпус, где хранились медикаменты и огнеопасные фотографии. Бойцам пришлось работать в тяжелых условиях. Но мысль о том, что под домом лежат больные дети, ударила сила людей.

Никто не желал добраться на чердак по короткой лестнице. Начальник караула Федор Гостюков предложил вылезать по трубе. Спустился за небольшие уступы, он взобрался наверх и, сбросив вниз веревку, втянул три желтых ствол. За ним смело полезли пожарные Мухомов, Кашин, Мухоморов, Мухоморов.

Корпус отстоял.

* * *

Профессия пожарных имеет особую привлекательность. Всегда поражает способность этих людей маленькими силами организовать войну, внимательно учесть все условия. Любое время, успев за каменем, надо успевать освоиться со сложной обстановкой и приступить к действию.

—Когда десять лет назад молодой колхозник Иван Силкин впервые увидел работу городских пожарных, его увлекло их бесстрашие. Казалось, все известно этим людям. Никто из них не боялся высоты. Любой работа в лифте, огню, сырости, в любую погоду мог вылезть на подоконник любой этажа или бежать по скакам крыши.

«Вот это работа, простая и смелая», — мечтал Силкин. — Дело, которое можно сделать.

Его приняли в одну из московских команд. В первую неделю остались первые годы жизни в команде, новая неопытность война с огнем, всегда присутствующая жажда и смелость. Он быстро понял, что ошибся, что работа совсем не простая и не всегда нужна одна ота. С удивлением осматривал он сложные машины, задавал вопросы водителям. Ему показывали газо-дымовую службу — рефулеры, выкачивающие дым и вредные газы из горящих помещений; компрессорную машину, всасывающую своими отбойными молотками бетонные и каменные конструкции; машину химического тушения, гасящие пламя углекислым снегом; машины связи; электролифты; пневматические буровые. Его учили пользоваться аппаратом «Камуфляж», — специальным прибором, являющимся боем между собой и идущим в замкнутую комнату. Все эту технику, созданную в помощь бойцам, Иван осматривал внимательно, изучал курсы среднего коммоста. Особенно интересной была тактика пожаротушения. Сколько пожаров пришлось сначала тушить на бумаге! — Товарищи, приготовьтесь к работе! — говорил на уроках педагог в диванной:

«В мастерских капитального ремонта произошел взрыв безобразно. Один рабочий получил ожог второй степени, ослепил левый глаз. Другое следствие — удар в плечо. Силой второй обвел шпатулку деревянной стеной, отделившей мастерские от гаража. Стена загорелась. Взрывом сорвало дверь. Огонь пошел в гараж, загорелась автомашина. Пламя перешло на перекрытия в обоих помещениях, отрезав выход из кладовки одному человеку. Этой работой в большой опасности. Кто должен сделать сейчас?»

Боец Силкин сосредоточенно росвал план здания горящих мастерских. Красным карандашом чертил пути распространения огня, синим — намечал стволы, указывая командиру тушения и должен руководить целым караулом бойцов. К концу получасового урока решение было принято. Педагог прочел в тетради Силкина: «Приблизий на-

караула пошел в разведку и установил, что командиру первого отряда надо сейчас же оказать помощь пострадавшим, связисту — вызвать помощь скорой помощи, пожарному — вызвать артиллерию — установить автомашины и подать к месту пожара три ствола типа «Б», из них два расширять (чтобы больше площадь покрыть водной пылью, расколку малозатратным способом), третий — подача воды на пожар, приняв все меры к защите человека, оставшегося в кладовке. Сбив огонь, человека спасти. В помещении гаража отыскать второй ствол, третий — на перекрытии, в целях дальнейшей работы. Свободные бойцы должны вскрыть горящие перекрытия».

Задача была решена верно, но медленно. Начальник караула предложил бросить стволы на расстоянии 15 и когда уже не боит, а начальник Иван Петрович Силкин закричал караулу, он мог решить такую задачу в 30 секунд. В 60 раз быстрее! Этого требовала острота мысли, присущая его профессии.

Интерес к своему делу у Силкина все возрастал. Приходилось накапливать знания своего разнообразие. В свободное от вахты время читал профессиональную литературу, ознакомились с действиями улиц, входящих в radius действия пожарной команды. По пути он запомнил расположение предприятий, расположенных по сторонам (подземных, на озере, фер, прудов) в районе, заглядывая в чужа фабрик, интересовался огнестойкими зданиями технологического процесса. В жатках он вел работу профессионалистского, беседовал со школьниками и женщинами. Серьезный и строгий, всегда являлся на куда-нибудь на кухню, заставая врасплох помощников. Силкин рассказывал им о сложностях работы, о том, которую приходится нести его товарищи. Он мог вспомнить немало интересного из своей практики, как и всякий боец команды, жизнь которого наполнена неопытностью.

Сначала этой самой Силкин, в начале, уставал Силкин в труднейшем тушении. В профессиональной терминологии такое бедствие называется «спячка № 5». «№ 5» — это пламя огромной силы, которое, когда огонь становится ураганом, силой его отбрасывает в сторону и расширяется мощная струя воды, вздувая выдувая стекла, срывает полотно двери, а остальной — бьет в потолок, становясь бурной огой могут только несколько команд вместе.

Дело было зимой. На улице стоял тридцатиградусный мороз. Гора огромная, большой дом. Пламя охватило три этажа, со второго перебежала на пятый. Оно бежало по пустотам внутри перегородок, как хитрый, маскирующийся враг. На чердаке, куда послали Силкина, стоял такой вид, что пробыть там больше двух минут было почти немыслимо. Бойцы, работая с неизменной торопливой, бережно следили друг за другом, охладив себя водой из стволы, передавая друг другу мокрые рукавицы (их бреть в рот, чтобы был задымленным воздухом меньше шел в легкие). Около двух часов пробыли они на чердаке. Когда закончился атака пожара продолжалась десять часов, и когда уставшие, но счастливые бойцы вышли на улицу, их ожедала внезапно задымленная и мгновенно обернула. Они явились в команду уже ослепевшими, а также несколько накармали мороз их мокрые брезентовые костюмы.

Другим труднейшим испытанием Силкина была борьба с лесным пожаром. Несколько раз приходилось выезжать в район где на огромном пространстве земли загорелся лес. Он увидел страшную картину. В знойном воздухе огонь то, криво, полз по траве, то метался вверх, сверля дыры в кронах деревьев, бушевала неодолимая стихия, море пламени. Что здесь можно сделать людям? Силкин простыми словами, очень буднично объяснял своей скромностью рассказывал, как день и ночь рыл он вместе с колхозниками траншеи, просеки, изолируя горящие участки, как собирал жерновы и подкосты, чтобы сжечь горящий тростник и задымленные пламя в канавы. Силой своей скромности рассказывал, как день и ночь рыл он вместе с колхозниками траншеи, просеки, изолируя горящие участки, как собирал жерновы и подкосты, чтобы сжечь горящий тростник и задымленные пламя в канавы. Силой своей скромности рассказывал, как день и ночь рыл он вместе с колхозниками траншеи, просеки, изолируя горящие участки, как собирал жерновы и подкосты, чтобы сжечь горящий тростник и задымленные пламя в канавы.

—Дом у Ивана Петровича уже несколько лет хранится довольно крупный документ о тушении боемского стекла. Это — воспоминание

об одной печальной истории. Семь лет назад сильный пожар охватил один из московских зданий. Приехал с караулом Силкин, направился в разведку. Идет по лестнице, видит искры, слышит запах, откуда он пошел, куда направляется и что надо немедленно предпринять. Нередко бывает, что огонь хитро протесет. Его надо разсекать. По трассе, по которой распространяется пламя. Тут разведчик подобен следователю. Если горит электропровод, он услышит резкий запах резины. Горение пыли, мочалы можно отыскать по запаху сажи. Замечает выделение дыма красного, белого или желтого цвета — стало быть, могли загореться различные вещества.

На этот раз горела нефть, загоревшая кирпичная печь. Дым клубами заволаковал дорогу, слыли глина. Подземные перекрытия ослабли и прогибались под ногами. По избыток воздуха на высоте пятнадцати метров в угарном тумане шел Силкин и его товарищи. Он успел уже отпарить в очаг пожара два ствола, пошел дальше, и удар джора обвалился... В полуосновании оштукатурен Иван Петрович, как огромная глыбка стала вращаться, и Силкин ждал ее. Он ошунел с прокожной будке перед отработкой в больницу. Пришлось сорвавшимся обломками, сильно ушибло голову, ребра, в руку врезался кусок рамы, в голову врезался доктор после операции шутливо преподнес ему на память.

Но и это не остановило влюбленного в свою работу человека. Иван Петрович говорит о своем деле, как о самом интересном, что трудности жизни придают ему мужество.

—За смелость и умение, проявленные при тушении зажигательных бомб во время ликвидации немецких самолетов на Москву, Иван Петрович Силкин награжден медалью «За отвагу».

* * *

Кады пожарной охраны в дни войны расступились. Армия помаником с горючими веществами, в том числе и в работе пожарных бойцов. Но одного увлечения, одного желания мало. Нужно быстро осваивать эту специальность, овладевать искусством борьбы с огнем, быть готовым к работе, вынужденные зажигательными бомбами врага. Тем, кто хочет оказать помощь мужественным бойцам с огнем, будет интересен опыт английских добровольческих дружин, которые в последние месяцы отставали свои города от пламени.

Когда зажигательные бомбы врага вылезли множество пожаров в Лондоне, молодые англичане с большой энергией и патриотизмом поспешили на помощь профессиональной охране. Молодежь немедленно организовала в кварталах целую сеть наблюдательных патрулей, в домах — пожарные звенья и дружинки. Однажды ночью, после налета вражеских эскадрилий, запылало много домов. В один из деревянных коттеджей попали четыре бомбы. Одна упала на слой снега, предостереженное рассыпанного на чердаке, загорелся и вывалился. Три бомбы попали в перекрытия, выскригали и заглили пол в первом этаже.

По домашней тревоге через одну минуту явились четверо молодых дружинников: Гарри, Герман, Альберт и Джон. Все у них было хорошо подготовлено, и оказалось, что при быстром, интенсивной деятельности достаточно тридцатилетние велер люди и шести летик несли, чтобы локализовать, потушить и ликвидировать пожар. На тушение ушло всего восемь минут.

Один из патрулей, состоящий из дружинников, заметил, как то ночью в окрестностях английского лондонского района Воксхолл. Доброволец-патрульный сейчас же доложил об этом профессиональной команде. Начальник команды поднял тревогу, выслал отряд с автотестом, который был направлен в Воксхолл. Через несколько минут сильный взрыв всколыхнул землю. Самолет с грузом магнитных мин упал в ямол карьера. Команда подошла вовремя. Успели вытаскивать людей из-под глыбы обвалившегося обломков, затухли несколько пожаров.

Вооружаясь знаниями, используя опыт европейской войны, наши советские дружинники станут в будущем резервом славы армии борцов против огня.

ДОРОГА «ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ»

За рубежом

Пожар в доках

Во время воздушного нападения на Англию фашистские самолеты подвергли ожесточенной бомбардировке лондонские доки. На склады и пакгаузы, элеваторы и нефтехранилища попали сотни и тысячи фугасных и зажигательных бомб. Возникло множество пожаров, над доками бушевало море огня.

Лондонские пожарники и бойцы добровольных пожарных команд самоотверженно боролись с ожесточенным стихией. Несмотря на непрекращающуюся бомбардировку люди не оставляли своих постов. Грандиозный пожар был потушен.

Вот что рассказывает об этом командир пожарной охраны одного из лондонских районов, руководивший отрядом добровольцев-пожарных.

Уже смерело, когда мы оставили нашу районную пожарную станцию. Началом было включать фары: путь достаточно хорошо освещался ярким пожаром. Мой водитель (испещенно-добрый) встал машину на максимальную скорость. До доков оставалось еще восемь километров, но и там я машину уже протискивал горячий воздух, доносившийся с огромного пожара.

Я явился к начальнику штаба, руководившему работами по тушению пожара в районе доков. Он сказал:

— Спасибо, что пришли. Возмите на себя руководство тушением пожара прямо перед нами. Самоуверенный завод, вероятно, некая будет спасти, но мне кажется, что можно не допустить распространения огня на склады

и амбары. Вы найдете на участке насосы и людей, а воду вам придется доставлять из Темзы за два километра. Желаю вам успеха.

Когда я увидел складочные огнем склады и амбары, огромную лесную биржу, а за ней еще два пылающих товарных склада, и почувствовал, что действительно желал успеха в работе.

Но это было еще не все. Между горящими зданиями складов и тем, что раньше называлось мостовой, были проложены четыре ветви железнодорожных путей. Здесь стояло от 25 до 35 нефтяных цистерн. Отстоявший их подальше от огня было невозможно: бомба разрушила путь. Мне неслучайно удалось найти несугубый пруд недалеко от этих цистерн. Это близкое соседство с нефтяными ци-

стернами меня тогда не беспокоило. В пруде была вода, а сейчас она служила основным источником питания насосов.

Над нашими головами пронеслись немецкие самолеты. Каждые десять минут излетала волна бомбардировщиков, сбрасывавших порцию фугасных бомб от трех до двенадцати штук. Вскоре мы уже почувствовали опрыскивание: упал ли бомба близко или далеко от нас, нужно ли нам «спрятать» или не нужно («спрятать» на нашем языке означало дождаться складины, только ствольные, управляющие брандспойтами, никогда не дожились на землю). Одна бомба упала в нескольких футах от команды, работавшей на крыше склада. Это была бомба замедленного действия. Каждую минуту можно было ждать взрыва, однако никто не покинул поста.

Нам уже казалось, что мы овладеем огнем, как вдруг вынесло красное пламя стало светлеть. Обычно это бывает, когда крыша собирается рухнуть или начнется падать стена. Но человек из вышнего-красного цвета с ослепительно белым проехавшим чересчур быстро. К тому же языки пламени стали замять высоту на высоту нескольких сотен футов. Очевидно, произошло что-то неладное. Когда я бросился вниз, чтобы выскочить с площади, прибежал выжидающий командир, руководивший операциями с южной стороны здания, и доложил, что несколько насосов отключены: насосы берут нефть и подуют ее в ту.

Тут я вспомнил о пруде. Поблизко к нему, и обнаружил, что уровень воды в нем намного снизился. На поверхности плавали толстые слои нефти. Она затекала в пруд из нефтяной цистерны, в которую только что попала бомба.

Немедленно был дан приказ выключить насосы. Воду пришлось перекачать на Темзу. В ожидании речной воды один боец догадался использовать воду, скопившуюся в воронках от разорвавших-

ся бомб. Мы продолжали отставлять склады и нефтехранилища.

Как ли серьезно было положение, мы все же оставались в достаточной мере англичанами, чтобы время от времени попутить и пошутить. Помню такой случай. Один из пожарных ругалов дедушку. Я обернулся, чтобы принять бомбу принести бандж, и тут увидел, что все кругом «чиркает». Испуганно было слышно свист падающей бомбы. Мы ждали взрыва. Но проходит секунда, другая — бомба все не падает. Одна боец, забавляясь, начал восклицать: «Я бы хотел, чтобы эта штука наконец ушла», «чорт возьми!» Я стал внимательно прислушиваться. Единственным звуком, который я услышал, был шум работающих насосов и свист воды, вырывающейся из опущенного рукава. Ну, конечно, этот шум и был принят за свист падающей бомбы! Мы поехали, и вновь бросились в бой с огнем.

Самый крупный пожар за наше участие начал гнать. Горение складов было хорошо затоплено водой и больше не вылетали языки. Стало светать. Теперь мы могли осмотреться и увидеть результаты нашей работы. Успехи были неплохи. Можно было твердо сказать, что через несколько часов с огнем здесь будет покончено.

Печали немецкие самолеты, перестали стрелять донельзя, и в 5 часов утра мы действительно, что хорошо шли на свете.

Многие командиры и бойцы, работавшие на несколько часов подряд в самом начале, несмотря на огромную усталость не хотели покидать пожара. С трудом приходилось убедить этих людей вернуться и уйти из города засыпавшей отды.

Когда моя группа садилась в машину, я отглядел кругом. Начало мне казалось, что утра дастся здесь лишь остовы горящих складов и нефтехранилищ. Теперь мы стало ясно, что в действительности разрушения от огня были малы по сравнению с числом зданий, не затронутых огнем.

Для защиты аэродромов англичане применяют небольшие «форты» на колесах, или, как их называют, передвижные блиндажи. Блиндированный блиндаж быстро может быть перенесен из одного конца аэродрома в другой при внезапной налетающей опасности. Гарнизон этой инвентарной крепости на колесах идет по все стороны губительной огневой цепи многочисленных амбаров — бойницы.

В противозвуковой обороне глав — прожекторы — поворачиваются углубленными двигателями. Проекторы этой системы работают огромных размеров — аркую зданиями. В худший момент испускают ослепительные лучи. Как гигантские свирепые мечи, срезают лучи в воздухе себе, и горе врагу, попавшему в точку схождения лучей.

На снимке — прожекторы в аэродроме британского аэродрома.

«Военное прошлое русского народа»

Товарищ Молотов в выступлении по радио 22 июля 1941 года сказал:

«По первый раз нашему народу приходится иметь дело с наседающим захватчиком врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ отозвался отечественной войной и Наполеон потерял поразительно быстро и с пошлостью крану. То же будет и с захватчиком Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны».

Выходящая на днях книга «Военное прошлое русского народа» ярко иллюстрирует эти слова товарища Молотова.

Она из первых статей в книге посвящена Ледовому побою 1242 года, в котором русские воины под руководством Александра Невского наголову разбили далеких предков нынешних фашистов — ливонских «свои-рыцарей».

Так же, как в современном фашистском разбойнике «свои-рыцарь» был не в мору хвастливый. Идя на Русь, рыцари обещали взять «великого князя Александра руками». Тот, кто дал это обещание, оказался в числе плененных. В книге подробно описывается другое жестокое поражение немцев — в битве при селении Кутусовдорф. В этом бою были разгромлены войска самого Фридриха, называемого «великим». В статье «На полях мировой войны» описывается знаменитое наступление под руководством генерала Брусилова в 1916 году, по окончании началось разгром немцев в войне 1914—1918 годов.

Русский народ — народ-бородатый, народ-грозный, народ-победитель, который не только умеет, но и любит воевать, народ, воспитавший культу пехоты блестящих полководцев, известную всему миру!

Русские воины, заступая родную землю и честь своего оружия, всегда полагались не столько на победную, несокрушимую силу. О победоносных битвах с врагами сложены сотни песен, романов и повестей.

Духотники «Военное прошлое русского народа» — это яркая патристическая книга, в которой говорится об исторических сражениях, прославивших непобедимую отвагу.

Над составлением этой сборника с любовью работали военные специалисты, академики, профессора истории народов СССР, молодые ученые, доценты и кандидаты исторических наук. Военное издательство Наркомата обороны СССР перенесло формулу духотников, включая в нее многообразные репродукции картин знаменитых русских художников-баталистов.

Статья «Великие богатыри», охватывающая книгу, рассказывает о жизни русских героев, воевавших в полноте испытаний и боевых тревог. Славные бойцы: половецкие, половиты и татары — приходили на Русь, опустошая поля, сжигая селения, убивая и уводя в плен жителей. Сражались биты эти наглы, но русские воины прогоняли врагов с родной земли.

В народных былинах полки русских витязей по Руси воспевают как подвиги богатырей, наделенных могучей силой:

...Той силе доброму млоду не обхлести,
Сторой волю не обрывают,
Черному вероу не облетает...

Богатырские качества — умение сокрушительным ударом уничтожать тех, кто покушается на русскую землю, — русский народ донес до наших дней. Эти качества прекрасно проявляются в сражениях с фашистскими варварами.

Когда Восточная Европа испытала страшное нашествие монголо-татарских орд, Русь героически сопротивлялась и не раз наголову разбивала превосходящие по силе полчища врагов.

Кадр из кинофильма «Александр Невский».

гов. Статья «Куликовская битва» посвящена одному из самых славных боев русской истории.

Перед этой битвой Дмитрий Донской произнес замечательную речь, полную мужества: «Любовники, друзья и братья! Вспомите, что я пришел сюда не за тем, чтобы... пошу Дон стерж, но дабы русскую землю от пленения и разорения избавить, или голову свою за всех пожити; честная смерть лучше плохого живота».

Лучше было бы мне не идти... нежана приниди и, ничтоже сотвори, и вотиться испяти. Или же пойдем за Дон и там или победим и же от гибели сохраним, или сложим свои головы».

Со словами Дмитрия Донского перекидываются слова Петра I, обращенные к солдатам перед Полтавской битвой: «За отечество приняти смерть весьма похвально, особенно если в бою вещь вековой хулы достояна».

То же говорил и великий полководец Суворов перед штурмом крепости Измаил в 1790 году. «Я решил, — сказал Суворов, — овладеть крепостью, либо погибнуть под ее стенами».

Перед тем как идти атакой на крепость, полководец обращался и солдатам, не скрывая от них трудности:

«Здравствуйте братья, чудо-богатыри, старые мои товарищи! Прежде мы делали чудеса, а нынче и себя произведем. Задача перед нами трудноватая. Обещал я крепостнику — поможу бог — хорона; рым-тубоим, валы выскоч, через стену и лагуние не перепрыгнут... И все-таки взять ее надобно».

Салгаты отвечали своему любимцу: «С тобой возьмем!».

И могучая крепость, в которой заседала русская армия в 35 тысяч солдат и 7—8 тысяч вооруженных жителей, была взята турецкими чудо-богатырями с минимальными потерями с их стороны.

О Суворове в книге рассказано ярко и полно. Описаны все основные его сражения, начиная от первого боевого вступления в бою под Кутусовдорфом в 1799 году и кончая легендарным переходом через Альпы в 1799 году.

В первом же сражении Суворов показал себя как полководец, который не признает отступления. Слово «ретрагал», то есть отступление, он произносил с насмешкой и всегда на по-

страшном языке, уверяя, что на русском нет даже такого понятия.

«Слух, взоры и души своих воинов я предостерегаю от всякого вида отступления».

Один французский генерал, узнав, что Суворов выиграл сражение у Тробины, разгромив превосходящего по силе противника, воскликнул:

«Что вы скажете о человеке, который уложит всех, дажет сам, но не даст приека отступить!».

«Генерал-вперед» — так прозвали Суворова, — обладавший изумительным даром меткого слова, так охарактеризовал особенности своей тактики: «Штук, быстро, внезапность — вот наши вожди».

«Нсприятель думает, что ты за сто-двести верст, а ты, удаючи, устрои шаг богатырский, натряв на него быстро, внезапно. Нсприятель уверет, поет, ждет тебя с чистото поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налетя на него, как снег на голову, разит, топни, опроки, бей, топни, не давши опомниться».

Много ярким, полноточным страниц в книге посвящено учению Суворова — фельдмаршалу Кутузову — и Отечественной войне 1812 года.

Русский народ разгромил 600-тысячную армию Наполеона, погнумившуюся на нашу родную землю. Из 600-тысячной наполеоновской армии, армии, которая была вооружена орденом «непобедимости», домой возвратились только тысяча человек с 9 орудиями. «И только вложить вашему величеству», — писал Наполеону его начальник штаба маршал Бертье, — что армия совершенно расслена и распалась, даже вина гвардии в ней полк ружьями от 400 до 500 человек. Генералы и офицеры потеряли все свое имущество. Почти у каждого отброшено ружья или ножа, или шпиль, или доска. Дороги покрыты трупами...».

Книгу вынуждают статья академика Ем. Ярославского «Наказание», посвященная работе богатырских среди солдат в 1914—1917 годах. Наша армия сохранила и обогатила чертенические традиции русских воинов. Красная Армия сильна, ее смелье, храбрые воины непобедимы, в чем сейчас убеждаются вероломные германские фашисты.

Книгу «Военное прошлое русского народа» горячо рекомендую советской молодежи.

Д. ТИМОФЕЕВ

Ответственный редактор М. Г. ОСНПОВ.

Редакция: П. Г. Антокольский, Л. П. Бруснычкина, Д. М. Гутнер, М. С. Зоркий, В. А. Мелюков, М. Г. Осьнов, А. К. Югов.

А 41155. Подл. к печати 1/III—41 г. Изд. № 841. Формат 72×100 см. 4 экз. л. 98 000 стр. в печ. л. Зак. 1863. Тираж 33000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 2 рубля

МЕТКО БЕЙ ВРАГА!